

Охотник. Кто-то мне за все заплатит!

Автор:

Евгений Щепетнов

Охотник. Кто-то мне за все заплатит!

Евгений Владимирович Щепетнов

Новый фантастический боевик (Эксмо) Охотник #2

Сергар Семиг – боевой маг, с помощью артефакта попавший на Землю в тело инвалида-колясочника, старается выжить. Обретенный дар лекаря может обеспечить ему безбедную жизнь, полную удовольствий, но маг помнит о «черных риэлторах» – негодях, наживающихся на людях. Его магический «крестовый поход» продолжается...

Евгений Щепетнов

Охотник. Кто-то мне за все заплатит!

© Щепетнов Е. В., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

- Не пора ли его остановить? Он слишком разошелся, тебе не кажется?

- Не преувеличивай. Ну... да, занялся лечением, шум, беготня. Но и время другое. Это раньше все истово верили в магию, в колдунов, ведьм. Теперь же только посмеются, увидев статью в газете о каком-то провинциальном городишке, где меньше ста тысяч населения, и маге-целителе, излечивающем все болезни?! Скажут: «Чушь! Опять эти журналюги врут!»

- А что, он действительно излечивает ВСЕ болезни? Ты не ошибаешься?

- Я никогда не ошибаюсь. Смотри параграф первый. Что касается первого твоего вопроса - не знаю. Но, судя по информации, он очень силен, очень. Таких врачей, как он, в нашей истории практически и не было. Кстати, там ведь Надя жила. Возможно, что это она его инициировала в лекари!

- Чтобы самой умереть? Смешно!

- Смешно, не смешно, но факт налицо: появился некий маг, который излечивает самые тяжкие болезни. Одновременно с этим оказывается, что умерла одна из старейших лекариц! Одна из самых сильных лекариц, что мы знаем! Ну и сопоставь эти два происшествия. Ты веришь в такие совпадения?

- Я во все поверю, в этом мире может быть все... Надя, Надя... зачем ты забралась в такую глушь? Зачем ты умерла? Не могу понять! Не могу!

- А тебе никогда не хотелось иметь детей? Нет? Жить тихо, спокойно, без суеты? Но не все такие холодные статуи, как ты, Татьяна. Вернее - Теофания.

- Татьяна Адамова! И никак иначе! Этот парень - идиот. Зачем ему такой шум? Лечил бы потихоньку... как Надя. На жизнь бы точно хватило. А ему понадобилась эта шумиха. И, кстати, почему мы его не остановим? Может, хватит?

- Послушай, Теофания... прости, Татьяна... С чего ты взяла, что он глуп? Парень очутился в этом мире недавно и ведет себя так, как считает необходимым. Так, как жил бы у себя дома. Скорее всего, в его мире магия - обычное дело, не так, как здесь. Вспомни-ка, как ты себя повела? Чем занималась? Тем же самым

лекарским делом. Лекарским, ха! Снадобья продавала! И какие снадобья, а? Напомнить? За что и пострадала. Если бы мы не заменили тебя на покойную нищенку, где бы ты сейчас была?

- Сколько можно поминать мне это, Мерль?! Прости, Мастер. Михаил Петрович! Я уже тысячу раз говорила - это наветы! Все, что я делала, - продавала любовные амулеты и любовные же напитки! А что там случилось с дурацкими мужьями клиенток - какое мне дело?! Они сами их травили, а потом обвинили меня! Твари неблагодарные!

- Ну-ну... тише! Не нужно так кричать. Все уже былъем поросло, да. Вернемся к нашему парнишке. Почему я его не остановил? Хочу посмотреть, что он может. На что годен. Парень совсем не прост. Слышала про то, что в этом городишке поубивали кучу народа?

- Неужто тоже он?! Как может лекарь...

- Может, может. Все может быть. Я гораздо старше тебя, всякое видал. Возможно, что он не только лекарь.

- Убийца? Тогда тем более нужно взять его в оборот! Нужно поймать этого парня и взнудать! Ты понимаешь, что будет, если его перехватят Другие? Если он будет помогать им? Работать на них?

- Ты кому это говоришь, девочка? Мне?! Ты забываешься.

- Прости, Мастер... да, забылась. Уж ты-то, вероятно, все давно продумал, а я лезу...

- То-то же... Да, парень странный, но очень перспективный. Взять его всегда успеем. Кстати, наши кураторы предлагали мне это сделать буквально на днях, но я отказался. Пусть резвится.

- Тут что-то нечисто, Мастер. Я тебя не понимаю... ох, черт! Ты думаешь, на него попробуют выйти Другие? Используешь его как наживку?

– Почему бы и нет, догадливая моя! Вот тебе и шанс окончательно их добить. Они ушли в подполье, но не смогут устоять против соблазна привлечь на свою сторону сильного лекаря. И не только лекаря, но и бойца! В трупах были найдены раневые каналы, какие остаются от небольших плазмоидов. Я смотрел результаты экспертизы. И не только смотрел – пришлось воздействовать на экспертов, чтобы они поменяли заключение. И обнаружены не только следы плазмоидов. Несколько человек были убиты током высокого напряжения. И вообще – в той войне очень много неясного, и я хочу как следует разобраться. Информацию мы получаем, парень под контролем – так чего волноваться?

– Ну, если так...

– Так, Тефа, так. Пока я Мастер Ложи – все под контролем. А я не собираюсь уходить со своего поста. Ты что, сомневаешься в моих способностях? К чему так много вопросов?

– Нет, Мастер... просто я радею за дело, вот и все! Как ты мог подумать?!

– Я вообще много думаю. Очень много. Смотри, Тефа... то бишь Татьяна, не шути со мной. И, кстати, когда будешь составлять отчет кураторам, не забудь передать наш разговор во всех подробностях.

– Да ты что! Какой отчет?!

– Те-фа... не шути со мной! Я знаю, что ты стучишь наверх! Давно знаю! И не возражаю. Но не дай бог узнаю, что ты исказила мои слова... Ну ладно, хватит. Займись делом. Поговорили. Я услышал тебя. И вот еще что – не вздумай совать нос в этот городишко, к Олегу. Запрещаю! Никому не приближаться! Только оперативники. Вся информацию передаете мне, прежде чем что-то предпринять – запрос. В любое время дня и ночи. Все, пошла!

Мужчина остался один в огромном, обставленном под старину кабинете. В углу громко тикали большие напольные часы, ковровая дорожка вела от входа к столу, сделанному из темного дерева. На столе: чернильница из малахита, небольшой колокольчик, похожий на тот, что когда-то вешали под дугами упряжек удалые ямщики. Вот только этот был золотым, испещренным множеством значков-рун.

Собственно говоря, это был вовсе не колокольчик – артефакт, напитанный Силой. И служил он щитом, прикрывающим кабинет от любопытных ушей. Эту комнату не могли прослушать никакие специальные средства, разработанные самыми ушлыми инженерами Земли, и не могли просканировать даже самые сильные колдуны, коих на Земле было немало. Просто потому, что у них не хватило бы на это сил. Предмет создавался при участии лучших артефакторов, и на его создание ушло около месяца. Но он стоил того. Безопасность вообще недешева, во все времена и во всех мирах. Мастер знал это наверняка.

Малахитовая чернильница тоже не была простой чернильницей. По правде говоря, чернил она и не нюхала. Чернильница – артефакт, создающий защитное поле, непробиваемое для заклинаний боевой магии. Он сдерживал и плазмоиды, и сверхвысоковольтные разряды, и «замораживание», и даже «вакуумное схлопывание». При малейшей попытке воздействовать чем-то подобным «чернильница» тут же отгораживала владельца кабинета от агрессивной среды и начинала всасывать в себя приложенную Силу, передавая ее на четыре боевых артефакта, установленных по углам комнаты. Эти артефакты были настроены на того, кто сидит в кресле Мастера, и само кресло – тоже артефакт – настроено на того, кто сейчас является Мастером Ложи Магов, – Михаила Петровича Амвросьева, в миру – председателя Закрытого Акционерного Общества «Авалон».

Боевые артефакты по желанию председателя могли мгновенно испепелить любого, кто посмеет покуситься на его жизнь. Или просто вызовет неудовольствие. Их заряда хватит на полсотни плазмоидов размером с человеческую голову. От удара этих монстров не спасает ни броня, ни магическая защита – образования такой мощи проламывают бронированный лист, как удар топора ветхую картонку.

Прецеденты были. От нападавших не оставалось даже ошметков – перегретая плазма их просто испаряла. В девяностые годы бывало всякое, пока бандиты не поняли, что с «Авалоном» лучше не связываться.

Увы, пришлось перебить много, очень много народа. Иногда целые группировки исчезали без следа.

Мастер встал, прошелся по кабинету, подошел к мягкому кожаному дивану, стоявшему напротив стены, закрытой деревянными пластинами, удобно уселся, закинув ногу на ногу, взял со столика небольшой пульт и нажал кнопку.

Деревянные пластины раздвинулись, обнажая огромный вогнутый экран. Через несколько секунд на нем появились ряды файлов, из которых был выбран нужный. А еще через несколько секунд по экрану поплыли картинки и строки:

«Кровавая разборка между преступными группировками в провинциальном городке Федорово!» «Убит депутат местного собрания Черенков!» «Авторитетный бизнесмен из Москвы убит депутатом местного собрания!» «Что случилось в провинциальном городке? Как полиция допустила подобный беспредел? Мы задаем вопрос начальнику местного УВД, полковнику полиции...»

– Болваны! Стервятники! – раздраженно буркнул под нос Мастер и остановил одну из картинок:

«Провинциальный целитель – кто он? Журналист проводит расследование!»

«Со слов местных жителей, некий фельдшер местной больницы (имя мы называть не будем) занимается лечением больных наложением рук и какими-то снадобьями! Мы решили провести свое расследование и узнать, как же это вышло, что в наш просвещенный век лечением занимается некий «колдун», экстрасенс, способности которого не подтверждены научными исследованиями, подвергая опасности жизнь множества наивных больных, относящих ему последние сбережения!»

– Господи, ну какие идиоты, а? – снова вздохнул Мастер. – Ну вот зачем писать о том, чего не знаешь?!

Маг вчитался в строки заметки, потом закрыл ее, открыл новую статью, снова почитал. И так до конца, пока не прочитал все. Затем открыл файлы с рапортами агентов.

«Довожу до вашего сведения...»

– Так, понятно. Дальше...

«...года, согласно выданному заданию мной было произведено сканирование объекта под кодовым именем «Олег».

Выявлено: «Олег» время от времени осуществляет существенные выбросы Силы, которые легко можно отследить со значительного расстояния.

Мной был сделан вывод: данный объект регулярно занимается несанкционированным колдовством. Согласно заданию известно, что объект осуществляет прием пациентов с последующим их излечением. Данный вывод подтверждаю.

В процессе расследования мной была предпринята проверка способностей объекта. Внедрившись в очередь пациентов, я произвел сканирование их тел – перед воздействием «Олега» и после воздействия. Выяснено – пациенты излечены полностью. Среди тех, кто обращался к объекту за помощью, наблюдались пациенты с болезнями высшего уровня сложности, что позволяет мне сделать вывод о том, что объект «Олег» является магом-лекарем высочайшего уровня, а возможно, что и уровня Магистра.

Сканирование самого объекта предпринято не было, так как если это уровень Магистра – объект, без сомнения, обнаружит ментальный щуп и тогда последствия непредсказуемы. Согласно заданию – я не должен был себя раскрыть.

Фотографии и видеосъемка объекта прилагаются».

Мастер взгляделся в фотографии, увеличив их на весь экран. Просмотрел, оставил одну и стал внимательно всматриваться в изображение, будто надеясь найти в нем ответ на свои незадаанные вопросы.

Обычный парень, ничего особенного на вид. Довольно высокий. Сто восемьдесят пять сантиметров, не меньше. Худощавый, если не сказать – худой. Плечи широкие, кисти рук крупные, сложен пропорционально. Синие глаза на жестком, скуластом лице. Если не знать, что русский, – можно принять за шведа либо норвежца. Лицо довольно приятное, даже красивое. Судя по ролику, снятому агентом, двигается легко, тело гибкое, тренированное, как у спортсмена или бойца спецназа. Никакой развалки в походке, никаких размашистых, лишних движений.

«Зверь на прогулке!» – невольно пришло в голову Михаила Петровича. Ухоженный, сильный, опасный зверь!

Мастер покачал головой и подумал о том, что стоит удвоить внимание к этому парню. Глаз с него не спускать! Такие экземпляры попадают в этот мир нечасто. И тут же засомневался: может, зря решил пока его не трогать? Может, действительно нужно поскорее поставить парня на место? На то, на которое захочет поставить Мастер. То, которое причитается по праву и по закону!

И тут же отбросил сомнения – нет! Пусть раскроется до конца! И пусть вылезут на белый свет эти твари... а в том, что они вылезут, – сомнений не было. Такой кусок точно не упустят! И попадутся...

* * *

– Сынок! – Мария Федоровна упала в объятия Олега, зарыдала так, будто он чудом восстал из гроба. Олег осторожно погладил ее по спине и глянул поверх головы: за столом сидел дядя Петя – побритый, наглаженный, чистый и, как ни странно, помолодевший. Он смотрел на Олега слегка испуганно, и тот вначале не понял – почему. Сообразил и невольно улыбнулся:

– Привет, дядя Петя! Хорошо выглядишь!

– Э-э... м-м... это самое... тудыт, твою мать... хм-м... это, я...

– Сколько раз тебе говорила, Петя, не ругайся! – менторским тоном заметила Мария Федоровна, и мужчина смутился:

– Да я чо... я ничо... рад вот, Олежа приехал! И не ругаюсь! Привет, Олежек! А мы тут чай пьем!

Олег осмотрел кухню старого дома, в который их с матерью когда-то выселили бандиты – черные риелторы, отнявшие квартиру. Когда вселялись, кухня была потертой, обшарпанной, убогой, хотя и довольно чистой. Бабулька, что тут жила до них, по мере сил старалась содержать дом в порядке. Возможно, что именно это ее и сгубило. Дом был огромным, как корабль. Двухэтажный, как все северные дома. Внизу находился хлев, хозяйственные закутки, вверху – жилое помещение. Такой исполин требовал ухода.

Когда Олег, он же Сергар Семиг, еще не мог ходить и передвигался только в инвалидной коляске, забраться на второй этаж было для него не то чтобы проблемой, но очень большой заботой – так точнее. Он взбирался по специально приспособленной толстой веревке с узлами на одних руках, ползая, как несчастный кот с перебитым хребтом, прямиком в эту кухню. Даже вспоминать противно. Олег вспомнил ощущение своей немощи, беспомощности, безнадёги – упаси Создатель от таких воспоминаний!

– А кто это с тобой? – расцвела улыбкой Мария Федоровна. – Представь меня девушке!

– Это Маша, моя помощница, – сухо отрекомендовал Олег. – Маша, это моя мама, Мария Федоровна. А это дядя Петя, сосед.

– Очень приятно! – улыбнулась Маша, и обе женщины пристально посмотрели друг на друга. Каждая из них, вглядываясь в черты лица напротив, искала взглядом свое, сокровенное. Мария Федоровна смотрела оценивающе: достойна ли претендентка ее драгоценного сына, хороший ли у Олега выбор, нет ли проблем со вкусом? Все-таки не на помойке нашла сына, не должен он связаться с первой встречной!

Маша же видела в женщине потенциальную свекровь, а еще – ее чуткий разум зверька, выросшего на одной из улиц неблагополучного района забытого богом города, молниеносно обсчитывал, соображал, как нужно себя вести, чтобы с ходу не восстановить против себя того человека, от которого, возможно, будет зависеть ее будущее. Понравиться матери потенциального жениха – вот полдела и сделано!

На все ушло не более секунды, и вот уже Маша шагнула вперед, обняла Марию Федоровну и как можно сердечнее сказала, вложив в голос максимум паточки и уважения:

– Я так рада вас видеть! Олег так много о вас рассказывал хорошего! Я ему и говорю: когда ты познакомишь меня со своей мамой?! Мы с тобой уже столько знакомы, а я ее никогда не видела!

– Я тоже рада, – улыбнулась Мария Федоровна, и Олег готов был поклясться, что в ее глазах проскочил зайчик смеха. Она все поняла, но виду не подала. Мария

Федоровна была мудрой женщиной. Ей незачем делать преждевременные выводы. Жизнь сама все расставит по местам. Поживем, увидим...

– Хорошо отделали дом! – довольно кивнул Олег, осматривая кухню, спальни. – Телевизор показывает нормально? Все в порядке?

– Все в порядке! – счастливо улыбнулась женщина. – Все просто замечательно! Я живу просто в раю! Все есть, все хорошо! Люди тут такие хорошие. Петенька вот помогает!

Олег переглянулся с Машей и отвернулся, чтобы скрыть улыбку. Мария Федоровна слегка порозовела, засуетилась, собирая на стол. Что-то забормотала: о деревне, о том, как живут соседи, какие они хорошие, отзывчивые, как переживали за Олега, когда его забрали в тюрьму, и как радовались, когда его выпустили.

Как радовались успехам ее сына, узнав, что он каким-то чудом стал экстрасенсом, вылечивающим тяжелые болезни.

Радовались тому, что Олег встал на ноги – и в буквальном, и в переносном смысле.

Олег же сидел и слушал женщину, которая собственно и матерью-то ему не была, как и он не был ее сыном.

Несколько месяцев назад бывший боевой маг Империи Кайлар, ныне ставшей провинцией Кайлар Империи Зелан, попал в очень нехороший переплет, пытаясь разрядить магический артефакт – отголосок страшной войны, уничтожившей города Кайлара. Артефакт оказался слишком сильным, и душу Сергара Семига вырвало из прежнего тела и забросило в другой мир, в тело Олега, инвалида, лежавшего в состоянии комы.

С той секунды и начался путь бывшего боевого мага, а ныне лекаря, по земным дорогам, изобилующим ямами, колдобинами и глубокими колодцами, в которых так легко потерять здоровье и саму жизнь.

Мария Федоровна, конечно, этого не знала. Для нее он и был, и остается ее сыном Олежей, волей Провидения снова обретшим здоровье, ее счастье и единственная радость на свете!

По крайней мере, так было до сих пор. Взгляды, которыми она обменивалась с дядей Петей, говорили совсем об обратном. В ее жизни появилась еще одна радость...

– Я как знала, пирожков напекла! Кушайте, кушайте!

– Ты бы это... Мариша... мож бутылочку выставила бы ребятам! – добродушно и хитро поблескивая глазами, предложил дядя Петя. – Ну... и мы бы приложились... ради такого случая-то! Колю, опять же, можно позвать! Олежа, помнишь Колю? Хороший парень! Щас почти и не пьет! По хозяйству работает! Машеньке... хм-м... маме твоей помогал по хозяйству! Когда бригада строителей тут работала – следил за всем! Они ведь чо, аспиды, без контроля забалуют! Одно слово – работяги! Под контролем все ништяк сделали!

– Не говори эти словечки! – поморщилась Мария Федоровна. – Знаешь ведь, не переносу жаргона! Машенька, ты ухаживай за Олежей, ухаживай! Ты не стесняйся, будь как дома! Вы ночуете сегодня? Олеж, ты как?

– Мам... я, вообще-то, попрощаться приехал, – вздохнул Олег, глядя через пластиковое окно на то, как ворона во дворе яростно тербит клочок то ли шерсти, то ли пакли. Пакля не поддавалась, и ворона яростно каркала – надсадно, хлопая крыльями, будто материла упрямую штуkenцию.

– Как попрощаться?! Куда ты уезжаешь?! – всполошилась женщина, оставив чашку с недопитым чаем. – Да мы столько времени не виделись, и уезжаешь?! Даже не побыв дома?!

– Дома? – усмехнулся Олег, слегка приподняв брови. – Ты уже считаешь это – домом?

Мария Федоровна вначале не поняла, потом грустно улыбнулась:

– А почему нет? Ты знаешь, я ведь давно так хорошо не жила! Может быть, никогда. Билась, билась... вначале с отцом зарабатывали на квартиру. Потом он погиб, я растила тебя. Работала, работала... Вырастила, только все наладилось, и... беда! Снова борьба, снова тяжкая работа. А сейчас? Тихо, спокойно. Даже телевизор есть, не такой, как был, – маленький, убогий, – вон, на полстены! Да не один! И в спальне, и в кухне! И плита электрическая дорогая, и холодильники, даже кондиционер есть! Честно сказать – я его не включаю, боюсь простыть. Тут и так прохладно, правда, Петь?

– Точно, Машуль! – важно сказал мужчина и шумно отхлебнул из чашки, не обращая внимания на укоризненный взгляд хозяйки дома. Незаметно подмигнул Олегу и так же важно добавил: – Стены внатуру толстые! Бревна видал, какие? В обхват! Зимой тепло, летом прохладно! Умели строить в прежние времена! При царском режиме!

Обвел кухню взглядом, довольно кивнул:

– Да, здоровско все сделали, ну просто ништяк! Тихо, Машуль, тихо! Ну не могу я так сразу отвыкнуть! Прости уж, не серчай! Хорошая у тебя мамка, Олежек, просто золото! Береги ее! А тебя не будет – я буду беречь!

– Как это не будет? Ты чего говоришь, Петь? – Мария Федоровна возмущенно фыркнула. – А куда он денется? Обалдел?!

– Да ты чо, ты чо? Ты про чо вообще? – Дядя Петя укоризненно покачал головой. – Ты же слышала, он уезжать собрался! Ты бы лучше спросила – куда собрался и на сколько!

– И правда, чего это я? – сокрушенно вздохнула Мария Федоровна. – Ну и куда ты собрался, сынок?

– Туда, откуда все началось, – искренне ответил Олег, он же Сергар. – В город. Туда, где была наша квартира. Хочу попробовать отсудить квартиру, наказать негодяев. А пока – купить другую, переселиться туда жить. Тебя забрать... Будешь снова жить в городе, как и привыкла. Соскучилась по городу?

Мария Федоровна обвела взглядом кухню, посмотрела во двор, где ворона все-таки победила паклю и теперь летела по направлению к старому тополю,

посмотрела на дядю Петю, как-то сразу осунувшегося и постаревшего, тихо вздохнула и помотала головой:

– Знаешь, сынок... совсем не соскучилась. Не хочу в город. Мне тут так хорошо! Все свои... даже Анька-самогонщица. Она хоть и недовольна, что мужики стали меньше пить, а значит, прибýtка убавилось, но все равно заходит на чай, за жизнь разговаривает. Она тоже хорошая, только не повезло в жизни. Тут народ все больше душевный, ну где в городе встретишь таких людей? Город злой. Город жестокий. Не хочу, сынок.

– А зима будет? Тогда что делать? – Олег нахмурился и покачал головой. – Ты представляешь, как тут живут зимой?

– И чо, зимой-то? – вмешался дядя Петя. – И чо! Угля машину привезла, на всю зиму хватит! Дров напилим, наколем! Печку натопили, легла на печку – теплынь! Ты еще баньку нашу не видел! Машуль, ты бы им баньку-то истопила, а? Пусть бы ребята попарились! Дело молодое, хе-хе... хороша, банька-то!

– Фу! Ну что ты такое говоришь! – смутилась Мария Федоровна. – Девушку в краску вогнал!

Олег глянул на Машу. Та сидела с каменным лицом, порозовевшая, а в глазах скакали чертики. Олег из-под стола показал ей кулак, и девушка на секунду вытаращила глаза: мол, разве я виновата?! Меня смех разбирает! И что я поделаю?!

Оно и правда. После того, что они с Олегом вытворяли, кувыркаясь в постели, невинная совместная помывка в бане – это все равно как посещение театра в сравнении с ежедневными походами в бордель. Но маме об этом знать не стоило. На то она и мама, чтобы считать сына агнцем, а его невесту – средоточием целомудрия и невинности.

В том, что Маша – невеста Олега, Мария Федоровна не сомневалась. И была рада, что он нашел себе девушку, да покрасивее, чем та негодяйка, из-за которой сын пытался покончить с собой и едва не ушел на тот свет. «Проклятая змея» – другого определения для сыновней бывшей у нее не было и не будет!

– Ничо страшного! В краске-то она красивше! Хотя и так неплоха, да. Ты тожа вон, как из бани, – красивая, аж дух захватывает! – невозмутимо прокомментировал дядя Петя, не обращая внимания на пунцовую Марию Федоровну. – Это... Олежа... я тебе хочу вот чо сказать... нащет нас с Маришей...

– Петя! Не смей! – всполошилась Мария Федоровна. – Перестань!

– Чо перестань-то?! В общем, сошлись мы с твоей мамкой. Типа папка я теперь тебе! Хошь убей, хошь люби, – а папка!

Маша, так и сидевшая статуей, вдруг расхохоталась, закрыла лицо руками, прячась от недоумевающих взглядов. Секунд через пять она слегка успокоилась, но когда снова увидела сконфуженных дядю Петю и Марию Федоровну, закатилась еще пуще, фыркая, заливаясь слезами:

– Ой, я не могу! Нет – ну это же Санта-Барбара, внатури! Ой, простите, Олег меня тоже ругает за словечки! Ах-ха-ха... ох-хо-хо! На свадьбу попали! С папкой тебя, Олег! Поздравляю!

Маша смеялась так заразительно, так звонко, что Олег тоже не выдержал и начал хохотать. За ним дядя Петя, и наконец принялась хихикать Мария Федоровна, смущаясь, утирая глаза чистым полотенцем.

Отсмеявшись, уселись за столом – тихие, благостные, будто прошли через некое очищение. Развеялись сомнения, страхи, осталось лишь единение, близость людей, прошедших через жестокие испытания, нашедших друг друга по воле Провидения. Им было сейчас хорошо, за этим столом, и Сергар вдруг почувствовал, впервые за долгие месяцы, что эта вот странная компания и правда его семья!

И мама, которую он увидел впервые несколько месяцев назад.

И дядя Петя, пьяница, которого так же, как их некогда, выселили в деревню черные риелторы.

И Маша, девушка, прошедшая огонь и воду, боевая подруга, которая за Олегом пойдет даже в пекло! Как и большинство русских женщин, которые за своего

мужчину готовы порвать всех на свете...

Конечно, не все так просто в этом мире, не все так хорошо, как хотелось бы. Зло всегда ходит рядом, только и ждет, чтобы наброситься на человека, которому в кои-то веки привалило счастье. Но сейчас им всем было хорошо. И этой минуты у них никому не отнять.

* * *

– Устал? – Маша прижалась к Олегу, положила голову ему на плечо. Потянулась, поцеловала в щеку:

– Ты такой хороший! И мамка у тебя хорошая... а моя... даже могилка ее где – не знаю! Сволочи! Ух, гады! Лежит где-то... неупокоенная...

Девушка всхлипнула, вытерла слезу и вдруг уже другим, сердитым голосом сказала в спину водителю, прислушивавшемуся к разговору:

– Рули давай, Амирка! Чего уши-то наострил?! Ишь, ушастый! Так и подслушивает все! Шпион проклятый!

– Да рулю я, рулю, лунолика! – ухмыльнулся таксист и, обернувшись, подмигнул Олегу. – Ух, какую девушку умыкнул ты, командир! Горячая! Огонь! Я бы не был женат, увез бы ее на край света! Красивая!

– Рули! – уже не так сердито прикрикнула довольная Маша и скосила глаза на своего парня, не сердится ли? Заметил ли, какой успех она имеет у мужчин?

Не заметив реакции Олега, слегка расстроилась, но потом приободрилась:

– Скажи, они теперь точно не будут пить? Ты сделал так, чтобы они не пили, да? Типа закодировал?

– Типа закодировал. Еще – полечил, – задумчиво кивнул Олег, мысли которого были далеко отсюда, в областном городе, в котором ему много чего предстояло сделать. И, честно сказать, он теперь сомневался, стоит ли делать?

А задумал Олег, вернее Сергар, разобраться с теми, кто когда-то сломал жизнь его «матери», кто обманул их, выгнал из квартиры, поселив в старом доме полузаброшенной деревни.

Если бы не случай, если бы не покойная целительница баба Надя, которая вылечила Олега и передала ему свои способности целительницы, что бы сейчас было с калекой и его матью?

Прожили бы они оставшиеся от «продажи» квартиры сто тысяч... И начали бы жить на пенсию Олега. Вдвоем, на одну жалкую пенсию. Ведь работать по специальности в этом глухом углу учительница русского языка и литературы не могла. Чем тогда еще жить?

А задумался он вот почему: если сейчас предпринять какие-либо действия против банды черных риелторов, как бы это все не ударило по Марии Федоровне. Ясное дело, что деньги те так просто не отдадут, придется сильно постараться, чтобы убедить негодяев рассчитаться по долгам.

Да и в деньгах ли дело? Плевать на деньги. Деньги он заработает, и много. А вот чем залечить рану на душе? Как сделать так, чтобы забыть ужас, чувство отчаяния, охватившее Сергара в ту секунду, когда он понял, что их с мамой ограбили. Обманули. «Кинули на деньги», как говорит дядя Петя. «Развели, как лохов!»

А скольких они еще обманули? И скольких обманут? За то время, что Мария Федоровна жила в деревне, привезли еще две семьи несчастных, таких же, как она, лишенных единственной ценности в их простой жизни – квартиры, заработанной еще в советское время.

«Ты мог помочь, но не помог. По закону кармы когда-нибудь это вернется к тебе. И тогда ты пожалеешь, что так поступил».

Так говорила покойная мама Сергара, деревенская лекарка. И старалась делать добро, как могла.

Впрочем, в этом законе что-то сработало не так, и мама умерла, унесенная приступом страшной болезни, пережив своего мужа, отца Сергара, всего на один час. После их смерти сын разочаровался в законах мироздания и ушел в

армию, где прослужил десять лет. Десять долгих, страшных лет, которые не хотелось вспоминать.

Боевой маг – довольно-таки хорошо оплачиваемая профессия. Он – живое орудие, стреляющее вместо снарядов шарами-плазмоидами. Однако боевые маги на войне долго не живут. Первые удары врага всегда направлены на ганз боевых магов: уничтожить тяжелые орудия – что может быть правильнее?

Сергар выдержал, отслужил два контрактных срока. Десять лет, которые хочется забыть. Десять лет крови, убийств, лишений и безудержного разгула в недолгие периоды затишья в братоубийственной войне двух народов, практически ничем не отличающихся друг от друга. Ничем, кроме правящих императоров: одного – худого и высокого, другого – полного и низкого. Те же законы, те же обычаи, тот же язык. И та же магия, которая вместо того, чтобы помочь людям, облегчить их жизнь, используется для массового убийства, разрушения, создания хаоса вместо созидания.

Зачем война? Ради чего? Известно лишь богам да этим двум властолюбивым мужчинам, вершившим судьбы миллионов своих подданных.

Когда война закончилась, вздохнули даже побежденные кайларцы – хватит! Двадцать лет войны – это уже перебор! Хоть такой конец – да конец. И начало.

Мир. Покой. Жизнь.

Пусть даже и под управлением некогда ненавистного зеланского Императора. Какая разница, кто правит? Лишь бы дали жить! Лишь бы не кровь, смерть, слезы и горе.

Сергар вдруг задумался, и его охватило ностальгическое чувство: как там сейчас в Кайларе? Никогда он не увидит село, в котором вырос, никогда не посмотрит на свой дом, в котором прошли лучшие годы его жизни.

У него было хорошее детство. Жаль, что оно так быстро закончилось. Почему-то хорошее всегда кончается быстро... только плохое тянется долго, бесконечно. По крайней мере – у Сергара.

Вот сейчас вроде все наладилось, может, и правда не стоит лезть на рожон, мстить, добиваться правды? Что он от этого получит, кроме чувства удовлетворения от вида наказанных подлецов? Деньги? Вряд ли получит. Неприятности? Да, возможно, сколько угодно. Ну и зачем тогда?

Сергар не знал ответа на этот вопрос. Он просто чувствовал: то, что задумал сделать, – правильно.

«Если сомневаешься, делать что-то или не делать, – покопайся в себе, спроси себя – тебе это надо? Если твой внутренний голос скажет – надо! Тогда не задумывайся, делай».

Так говорил отец. Так говорила мать. И так когда-нибудь Сергар скажет своему сыну, если он у него будет, конечно.

Усмехнулся – впервые за тридцать с лишним лет своей жизни вдруг задумался о семье, о детях! Старееет? Его нынешнему телу около тридцати лет, а сейчас еще меньше – постоянно подключенный канал перекачки Силы поддерживает организм в состоянии двадцатилетнего человека. Вот только душа совсем не молодого парня.

Десять лет на войне – год за три, не меньше.

Пять лет грабером, охотником за монстрами, мутантами и опасными артефактами – год за пять лет, точно.

Ему по состоянию души лет шестьдесят, не меньше!

Впрочем, и душевные раны потихоньку затягиваются. Воспоминания о том мире, в котором родился, заплывают тиной времени, уходят, оставляя после себя сожаление и печаль. Новые воспоминания, земные, занимают их место.

Только вот почему-то они тоже печальные, такие, что лучше бы их не было. Бандиты, отнявшие квартиру. Полиция, допросы, беспомощность человека, который не может ничего изменить.

Снова бандиты – уже местные. Зоя... ах, Зоя, Зоя... только что стала молодой, красивой, и тут – смерть! Как несправедлива жизнь. Как жестока.

Олег задумался и не с первого раза понял, о чем его спросила Маша, а когда понял – слегка рассердился.

– И ее потащишь с собой?! Что, решил шведскую семью сделать, что ли? – Маша скривила губы. – Мелкая сучка...

– Что ты несешь? Она несовершеннолетняя! Маш, ты иногда бываешь такой дурой, тебе кто-нибудь это уже говорил?

– А если бы не была малолеткой, в постель бы затащил, да? Так и смотришь налево!

– Вот что, подруга! – Олег помолчал, играя желваками. – По-моему, мы с тобой по этому поводу уже говорили, так? Тебе что-то не нравится – вали! Живи одна, как хочешь! Не хочешь? Тогда прикуси язык и делай то, что я говорю!

– Вах! Мушщина! – вдруг откликнулся водитель. – Так, так с женщинами надо! Мушщина, он главный! Слушай, лунолика! Мушщина твой молодец!

– Не лезь, болван! – откликнулась Маша, кусая губы. – Олеч, дома поговорим, ладно? Рули давай, чурка! У-у-у! Убила бы!

– Перестань! Чтобы я больше не слышал этого – чурка и всякое такое! И вообще – язык придержи! Чтобы ни ругани, ни жаргона! Сколько раз тебе уже говорить?! Надоело! – Олег недовольно зыркнул на подругу, и та замолчала, закусив губу от досады. – Я буду помогать Тане! В память о Зое! И все тут! И чтобы больше я не слышал этой чуши!

Остаток дороги ехали молча. Маша, отвернувшись от Олега, глядела в темное окно автомашины, будто надеясь разглядеть в мелькающих придорожных кустах что-то интересное. Олег же прикрыл глаза, расслабляясь, отдыхая после сегодняшней поездки.

После того, как они с Машей посидели за праздничным столом, Олегу снова пришлось поработать. Мария Федоровна попросила подлечить дядю Петю, у которого болели ребра, плохо сросшиеся после самого первого столкновения с местными бандитами, с легкой руки Сергара упокоившимися на дне омута тихой, чистой речки. И вылилось это лечение в большое лечение – дяди Пети, Марии Федоровны, Коли и всех соседей, которые набежали в гостеприимный дом, прослышав, что приехал знаменитый на всю округу целитель.

Уходя, обитатели деревни пытались совать скомканные, засаленные купюры, явно хранившиеся на «черный день». Олег денег не брал. «Матери моей поможете, если попросит. Не нужно никаких денег. Будьте здоровы!»

И счастливые соседи шли в свои обветшалые дома, не подозревая, что стали здоровее не только физически. Каждому, кто приходил, Олег внедрял в голову посыл: «Пить алкоголь – зло! Нельзя! Запрещено! Выпьешь – тебя будет тошнить, тебе будет плохо!»

Сейчас он сидел и слегка улыбался – что скажут вылеченные, обнаружив, как изменились их вкусы? Когда любимый самогон, «сладкая» водка, «бормотуха» или зажженная сигарета не вызывают ничего, кроме тошноты? Что они пожелают вслед целителю, злодейски лишившему их такого удовольствия? Тут поневоле задумаешься о том, стоило ли обращаться за помощью к колдуну.

Ни спиртного, ни сигарет – что жители деревеньки будут делать без обычных развлечений?

Да что угодно – лишь бы не эта гадость. Олег не знал, как долго будет действовать посыл, но надеялся, что долго – снадобья, усиливающего воздействие магии, у него было с собой совсем немного, около литра. Так, на всякий случай. Мать тоже всегда таскала с собой сумку с лекарствами. Лекарь ведь! Больше всего снадобья потратил на мать и на дядю Петю – запустил их организмы на постепенное омоложение – не такое быстрое и радикальное, как с Зоей, но не сомневался, что лет по десять они скинут точно. Не сразу, в течение нескольких месяцев – но станут моложе. Остальным пациентам досталось по маленькому глотку. Хватило на всех. В деревне не так уж и много жителей.

«Вот будет потеха, когда попробуют хлебнуть “напитка богов”! Всю деревню заблюют!»

Олег вдруг хохотнул, Маша взглянула на него, снова отвела взгляд, явно демонстративно. В последнее время она вела себя не как любовница-секретарша, а как жена или по крайней мере невеста. Олега это даже стало напрягать. Он уже не раз подумывал, как укоротить Маше длинный язычок, который девица стала распускать очень уж вольно. Давно уже нужно было поставить ее на место – что-то больно много гонору стало, ведет себя как родовитая дворянка. Все должны перед ней на цыпочках бегать, чуть что не по нраву – сразу в крик, ругань, истерику!

Так, за раздумьями, незаметно добрались до дома. До Машиного дома. Обычного, простого дома, построенного шестьдесят или семьдесят лет назад, после страшной войны, в которой погибли миллионы людей.

Сергар смотрел документальные фильмы, видел фотографии того, что происходило во время этой войны, и каждый раз поражался: как люди могут дойти до такого скотства? Раньше он думал, что страшнее, чем опьяневшие от пролитой крови зеланские завоеватели, нет никого. Что их жестокое отношение к жителям завоеванных территорий просто запредельно! Ну как же – они берут такие огромные налоги! Они не дают развиваться кайларской провинции! Преследуют жителей Кайлара за неосторожные высказывания!

Глупец. Спасибо зеланскому императору за то, что он просто-напросто не уничтожил всех кайларцев в концлагерях! Не уничтожил население Кайлара вовсе! Разрешил хоть как-то существовать!

Обитатели Земли были гораздо более жестоки. Зеланцы, в отличие от них, не додумались до лагерей смерти. До крематориев, в которых тысячами сжигали тех, кто не угодил завоевателю своим «гадким» происхождением.

И еще – каждый раз, когда Сергар глядел на экран телевизора и видел то, что творили земляне, используя последние достижения науки, в голову приходила мысль: «На кой черт этот прогресс? Чтобы людей убивали уже не сотнями тысяч, а сотнями миллионов?»

Нет, все-таки хорошо, что цивилизация его родного мира пошла не тем путем, по которому отправилась Земля. От прогресса нет ничего хорошего! Ну... почти ничего. Горячая вода из крана и теплый туалет – не в счет! И телевизор. И телефон...

Этой ночью легли спать отдельно. Олег – на «супружеской» кровати, которую Маша купила перед тем, как он поселился в ее доме, хозяйка дома – в зале, на диване. Тоже новом и тоже купленном с доходов, полученных от лекарских трудов Олега-Сергара.

Олег отдавал девушке половину тех денег, что зарабатывал своим лекарским искусством. Вернее – это она отдавала ему половину. Ведь денег с пациентов лекарь не брал.

На Земле было странное поверье, что если лекарь берет за свои услуги презренные бумажки или монеты, боги лишат его магической силы. Точнее – бог, а не боги, в отличие от мира Сергара, в котором пантеон богов был не меньшим, чем в Древней Греции.

Из своей доли Маша обеспечивала работу лекаря – делилась с главврачом, платила медсестрам, врачам. «Чтобы заткнуть пасть этим сволочам!» – как она частенько говорила. Кормила, поила, даже одевала своего любовника-начальника.

Впрочем – после всех трат на ее долю все равно оставалось немало. Поток больных не ослабевал, деньги текли рекой – лекарь, который способен вылечить все, от прыща до раковой опухоли, нужен был всем. Всему миру. А Маша наладила работу, как хороший автомастер налаживает двигатель автомобиля, попавший в его умелые руки. У Маши на самом деле был организаторский талант, этого у нее не отнимешь.

Свои деньги Олег клал на счет в банке, на банковскую карту. Часть отдавал матери. Он не был жадным человеком, и деньги его интересовали постольку, поскольку они давали безопасность, уверенность в будущем. Только богатый человек мог чувствовать себя в безопасности, оградившись от всего света барьером из богатства такого объема, владея которым человек переходил из разряда простых людей в сонм небожителей, неприкосновенных и для криминала, и даже для самой власти. И это все было верно и для родного мира Сергара, и для Земли. Если у тебя много денег, очень много денег, можно купить практически все и всех – за редким исключением. История доказывала данную истину не раз и не два. Преступление, за которое простой человек отправился бы в тюрьму на долгие годы, для богача безнаказанно сходило с рук. За деньги можно купить лучших адвокатов, купить свидетелей, полицейских и даже самих судей. Не всех, конечно, но... в общем-то, всех. Цена есть у каждого, только не

все готовы ее дать. Сергар с горечью убеждался в этом.

Все эти месяцы Сергар думал о том, почему бабка Надя заперла себя в глухом углу, довольствуясь подношениями не очень многочисленных пациентов. Более того, в той информации, что она успела перед смертью дать своему последнему пациенту, инвалиду «Олегу», четко прослеживалась главная мысль: «Не высовывайся! Сиди тихо! Не выдавай себя!»

Ничего такого, что бы указывало на необходимость прятаться, скрываться, не афишировать свою деятельность, Сергар не обнаружил. По большому счету людям было плевать на то, что какой-то там фельдшер районной больницы лечит пациентов в свободное от служебных обязанностей время нетрадиционными методами. Деньги он не берет, а то, что кто-то все-таки взимает плату за то, что позволяет посетителю попасть на прием к «суперфельдшеру», так это дело того, кто дает, и того, кто получает, – лекаря это не касается.

Сергар поставил так с самого начала, и дело не в том, что он верил в какие-то дурацкие приметы. Если вдруг какие-то государственные органы «наедут» на лекаря с целью наказать его за неуплату налогов – удар примет на себя Маша. Это она кассир, она организовала систему поборов за медицинские услуги. Олег же тут совершенно ни при чем.

За что его можно привлечь? Если только за нетрадиционные методы лечения, за «опаивание» пациентов неизвестными снадобьями, которые он варил тут же, в больнице, в специально оборудованной «лаборатории», увешанной пучками трав, уставленной банками с ингредиентами. На эти снадобья уходили немалые деньги, но без них лечить было бы гораздо труднее, если вообще возможно. Без снадобья, снимающего естественную защиту организма от магии, эффективность воздействия Силы на пациента уменьшалась в несколько раз.

Машу за эти два месяца уже не раз пытались привлечь к ответственности за ее бурную деятельность на ниве нетрадиционной медицины. На нее писали анонимки, заявления, поступали жалобы от завистливых коллег и обиженных пациентов, не сумевших попасть на прием.

Маша отсеивала клиентов жестко, стараясь не пропускать к Олегу «халявщиков», наглецов и скандалистов, что не прибавляло ей и лекарю

всенародной любви, скорее наоборот – разъяренные, раздосадованные, обозленные люди фонтанировали паскудными писульками всевозможного калибра, в которых разоблачали аферистов, мошенников, «негодяев, которые под прикрытием белых халатов занимаются незаконной предпринимательской деятельностью, высасывая из трудового народа последние соки, будто пауки-кровопийцы».

Все эти жалобы, анонимные и подписанные, оседали на столах представителей власти, начиная с налоговой инспекции и районного УВД, заканчивая прокуратурой и администрацией города. Оседали, чтобы утонуть в болоте отписок, сочиняемых чиновниками с гениальностью великих мастеров литературного жанра.

Жалобщики пытались писать выше, в областные контролирующие органы, но, как обычно, – эти жалобы спускались к тем, на кого и были написаны. Нехорошая практика, да – круговая порука, чиновничий беспредел – ржавое, испытанное веками оружие власти, которым она успешно отбивается от претензий тех, кем правит. Но в случае с Олегом, как ни странно, это оружие, выпачканное ключьями судебных множества людей, разочаровавшихся в справедливости и честности власти, работало на защиту хорошего, правильного дела, нужного множеству пациентов, отчаявшихся, страдающих, надеявшихся на чудо в своей несбыточной мечте – вернуть потерянное здоровье.

Дело в том, что и у чиновников администрации различного ранга, и у прокурорских работников, и у полицейских были родственники, друзья, знакомые, тоже мечтающие о помощи лекаря. А когда разошелся слухок, что «фельдшер» умеет править некоторые несуразности фигуры, править внешность пациентов – может убрать излишнюю полноту, бич дорвавшихся до кормушки чиновничьих жен, увеличить грудь, убрать родинки или бородавки – в общем, сделать пластику лица и тела, – народная тропа к «экстрасенсу» не зарастала бурьяном.

Маше каждый день приходилось решать сложные многоходовые задачи, как хорошему шахматисту. Решать, с кого можно брать деньги, а с кого нельзя и какую выгоду можно извлечь из очередного высокопоставленного пациента.

Само собой верхушка власти, элита городка обслуживалась бесплатно, но зато лекаря не беспокоил никто из тех, кто мог бы легко отравить ему жизнь. Эта самая элита стеной встала на дороге у тех, кто хотел бы помешать Олегу делать

то, что он делал. И слава богу. Иначе предприятие Олега быстро бы «накрылось медным тазом» – как любила говаривать Маша.

Олег работал десять часов в день. Этого хватало, чтобы вымотаться, устать, будто весь день валил деревья. Магия отнимает много энергии, и не только магической. Если бы не уникальность Олега как лекаря – он бы не смог работать в таком темпе больше трех часов подряд. Открытый канал подкачки магической энергии, соединявший лекаря с Океаном Силы, действовал постоянно. Редкое качество. Уникальное. И о таком раньше можно было только мечтать. Олег меньше уставал, ему не нужно было останавливать работу, чтобы закачать в себя Силу. Он мог ее не беречь. Но и это не все. Было и еще кое-что, чего не было раньше, до того, как Сергар попал в этот мир.

Во-первых, на теле Олега легко заживали раны. Порез ножом затягивался за минуту, не оставляя на поврежденном участке тела даже самого маленького шрама. Однажды он порезал себе запястье, и так, что от боли из глаз полились слезы, а кровь фонтаном брызнула на стену. Кривой узбекский нож, подаренный кем-то из пациентов, оказался просто-таки острым, как бритва. Распахал до кости. Но через пять минут от раны не осталось следа.

А еще – рассосались шрамы, полученные телом Олега во время той самой злополучной катастрофы, приведшей его к инвалидности, а затем и к гибели. Именно к гибели – потому что душа Олега покинула тело, оставив его новому «жильцу» – Сергару.

Кроме того – тело Олега помолодело. Непрерывно подпитываемое потоком Силы, оно медленно, но верно вернулось к идеальному состоянию, соответствующему двадцатилетнему возрасту.

Сергару пришлось даже отпустить трехдневную щетину, чтобы не выглядеть слишком уж молодым. И все равно – ему не без основания казалось, что те, кто знал его достаточно долго, видел два месяца назад, когда Олег еще ездил в инвалидной коляске, – поглядывали на лекаря с некоторым удивлением, будто не веря своим глазам.

Два месяца прошло с того момента, как Сергар-Олег снова обрел свою магическую силу и начал колдовать. Он много раз вспоминал слова бабки Нади о том, что после перемещения в этот мир, в чужое тело, она обрела свою магию

лишь после того, как ее ударило сильным разрядом тока.

И каждый раз, когда вспоминал ее рассказ, – улыбался. Обманула старуха. Не било ее никаким током, Сергар был уверен. С ее же слов выходило, что магичила она уже не одно поколение, сотни лет, тогда, когда об электричестве знали едва ли не понаслышке. Нестыковка получилась.

Тогда зачем она сказала? Возможно, что намекала, что нужно сделать. Наводила на мысль. Напрямую предложить не захотела или не смогла. Видимо, боялась, что подобные действия могут плохо кончиться. А если это сделал Сергар – тогда сам виноват. Рискнул, и не получилось – какая жалость...

Жаль, очень было жаль старую колдунью. Не успел с ней поговорить, не успел расспросить о том, как живут те, кто, как и он, как и бабка Надя, переместились на Землю из другого мира. Колдуны, которых он так и не увидел, но все-таки надеялся увидеть.

В принципе, шумиха, устроенная им на ниве народной медицины, была предпринята не только и не столько ради наживы – деньги можно было бы заработать и потише, не устраивая массовых приемов. Да, денег поменьше – но и спокойнее. И работы – тоже поменьше. Все было продумано, и если колдуны-переселенцы на Земле все-таки были, они бы обязательно заинтересовались своим коллегой, сильным лекарем, о котором шумят на каждом перекрестке.

Каждый день Сергар ждал, что в его кабинет войдет человек и скажет: «Привет! Я такой же, как ты! Я тоже перенесся в этот мир. Нас много, и мы хотели бы видеть тебя в своих рядах!»

Но шел день за днем, никто из коллег-колдунов не приходил, никто не говорил долгожданных слов, и Сергар, по правде говоря, стал сомневаться в том, что колдуны, подобные ему и бабке Наде, вообще существуют на белом свете. Начал думать, что бабка Надя, как и в рассказе об ударе током, обманула – с непонятной для Сергара целью.

Во-первых, правда ли то, что на Земле сотни таких, как он, переселенцев и что у них есть некое подобие своей организации (так ему показалось со слов колдуньи)?

Олег специально отслеживал всю информацию на тему колдунов, магов, экстрасенсов всех мастей и сделал один-единственный напрашивающийся вывод: в основном колдунами называют себя жулики, аферисты, к магии не имеющие никакого отношения.

А еще Сергар вдруг начал задумываться на тему: а нужны ли ему эти самые коллеги? Что он, без них не проживет? Раньше ему хотелось найти коллег потому, что казалось – они поддержат, как поддерживали друг друга боевые армейские маги, встававшие плечом к плечу во время трактирных драк, расскажут, как выжить в этом мире, как лоцманы, отведут корабль его жизни от подводных камней, не видимых случайно попавшему в эту бухту мореплавателю. Так зачем они ему теперь, когда Сергар знает, как выжить, когда уже выжил и, вопреки всему, заработал денег, вписался в окружающую среду, вполз, как нога в удобную разношенную обувь?! Где были эти коллеги, когда Сергар сидел в тюрьме, страдал, мучился от боли, от своей беспомощности?

Нет, теперь они ему не очень-то и нужны. Но... Сергар все-таки не оставлял надежды их встретить. Так и не пропало иррациональное желание повидаться с себе подобными. Почему? Да кто знает?.. Вот почему люди хотят забраться на египетскую пирамиду? Нырнуть на дно моря? Подняться в небо на утлом самолетике? Съездить в путешествие туда, где прошло их детство?

Хочется. Интересно ведь. Такова человеческая натура – желать, мечтать и... обманывать себя. Человек – он на то и человек, а не животное, которое живет от сна до кормежки.

Скорее всего, ностальгия. Тоска по родине. Если уж не увидеть родную землю и родной дом, так хотя бы поговорить о своей родине с теми, кто помнит. Кто знает. Говорить и не думать о том, что его могут разоблачить, не бояться выдать свою тайну.

Почему-то Сергар был все-таки уверен, что переселенцев из его мира на Земле более чем достаточно. Хотя это не подтверждалось никакими логическими выкладками. Видимо, Сергару просто хотелось, чтобы было так, а не иначе.

«...и здесь я должен коснуться вопросов щекотливых, кои не очень-то известны широкой общественности, по причинам, каковые я сейчас изложу в нескольких словах, не вдаваясь в особые подробности. Или вдаваясь.

Об этом не принято говорить в сообществе лекарей, это не преподают в школах лекарского искусства (по непонятным мне причинам, ведь я уже давно и настоятельно просил Академию ввести в курс обучения уроки лекарской этики!), но с этим сталкиваются все лекари, достигшие определенного уровня мастерства.

Суть состоит вот в чем: лекарь, который пользует пациента своим магическим искусством, задействуя большой объем Силы, может столкнуться с неким побочным эффектом, возникающим после завершения лечебных процедур. Я бы назвал этот эффект «лекарская любовная лихорадка», или «страсть к лекарю».

Что эта «лихорадка» собой представляет, и как все это выглядит со стороны? После того как лекарь совершил над больным все должные деяния, пациент внезапно начинает испытывать к нему чувства, сравнимые со страстью влюбленных, долгие годы мечтавших о своем объекте вожделения. Только представьте себе: некая дама, славящаяся своей добродетелью, почтенная матрона и мать троих детей, обращается к услугам лекаря для того, чтобы поправить пошатнувшееся на ниве деторождения здоровье. И что же она получает взамен своей болезни? Другую болезнь! Безумную страсть к лекарю, бессонные ночи, любовную лихорадку и полное разрушение нравственности, если лекарь оказывается нечистоплотен в вопросах лекарской этики!

Дама бросается в его объятия, напрашивается на то, чтобы стать его наложницей, невзирая на последствия, и если лекарь бесчестен – кончается данное «приключение» совсем уж дурно: разрушенными семьями, внебрачными детьми, а иногда и смертью!

Да, да – смертью, потому что обманутый муж той самой дамы частенько бывает недоволен тем, что его жена, как собачка, бегаёт за лекарем, мечтая исполнить все его извращенные желания! Покорная, как рабыня, готовая идти за ним на край света, бросив семью, детей, забыв о долге и чести.

Печально, в высшей степени печально, что Академия не внимает голосу рассудка и не преподаёт курсантам лекарских школ хотя бы основы этики. Не

учит врачей избегать подобных ситуаций, тем самым подвергая опасности жизни как пациентов, так и самих лечащих врачей.

Теперь рассмотрим особенности данной проблемы, и я изложу результаты многолетних наблюдений, произведенных мной за более чем семидесятилетнюю врачебную практику.

Итак, мы должны разобрать факторы, влияющие на возникновение или невозникновение эффекта, называемого «страсть к врачу».

1. Чтобы возникла эта противная богам и морали страсть, врач и пациент должны быть разного пола. То есть – женщина лечит мужчину, мужчина лечит женщину. Страсть возникает примерно в девяносто процентах случаев. Десять процентов оставляем на полную несовместимость «партнеров» – например, оба ненавидят друг друга до скрежета зубного, или же один из потенциальных партнеров настолько уродлив, что и в дурном сне не приснится совершать с ним любовные деяния.

В эти же десять процентов входят необъяснимые случаи, когда партнеры относятся друг к другу с симпатией, хороши внешне, но страсти все-таки не возникает.

Я думал над этим исключением из правил и пришел к выводу, что страсть все-таки возникает, но пациент отказывается сообщить о ней и врачу, и наблюдателю, коим являлся я, ваш учитель. Вдобавок ко всему сила духа этих пациентов или пациенток настолько велика, а мораль настолько крепка, что они не позволяют себе поведение, кое наблюдается у девяноста процентов их товарищей по несчастью.

2. Почти никогда эффект не наблюдается у пациентов одного пола с врачом. Это примерно 95 % случаев. В пять процентов входят те, кто уже испытывает порочную тягу к лицам одного с ним пола либо может испытать таковую. Здесь, на мой взгляд, все предельно ясно.

3. «Страсть к врачу» может держаться до конца жизни, десятки лет, а может сойти на нет в течение нескольких дней или месяцев. Невозможно каким-либо образом предсказать срок действия этой болезни, можно лишь пытаться снизить ее накал или же предупредить возникновение оной (читаем ниже).

4. «Страсть к лекарю» блокирует возникновение «Страсти» к другому лекарю, пользовавшему пациента в тот период, когда течение уже полученной «Страсти» еще не прекратилось.

5. Суть происходящего в мозгу пациента, причина возникновения этого эффекта остается тайной. Впрочем, как и все, связанное с таким сложным и неисследованным органом, как мозг человека.

Перейдем теперь к способам предупреждения и лечения нежелательного побочного эффекта лечебной магии. Итак, что нужно делать, чтобы эффективно бороться с этим недугом:

1) довести до сведения общества информацию о возможных последствиях посещения лекаря-мага противоположного пола. Это позволит избежать вышеописанных проблем;

2) если избежать посещения лекаря противоположного пола невозможно (другого просто нет), необходимо обязать лекаря вдобавок к оплаченной пациентом (пациенткой) лечебной магии бесплатно совершить магические деяния, связанные с внушением оному правильных ориентиров в поле морали и нравственности, ограждая пациента от последствий лечения, блокируя его мозг специальными снадобьями, применяемыми для лечения мозговых болезней.

Перечень снадобий, их состав, а также способы напityвания оных магической Силой подробно описаны в моем трактате «Лечебные снадобья, используемые для лечения мозговых болезней, и способы их приготовления». На этом пункте я останавливаться не буду;

3) законодательным способом разделить потоки пациентов по половым признакам. Женщины – к женщинам, мужчины – к мужчинам.

Может возникнуть закономерный вопрос: зачем тогда учить лекарей морали, этике, вдалбливать им в голову правила порядочности, когда нужно оной учить пациентов. Можно сказать: «Лекарь ни при чем, он тоже человек! Почему он должен отвечать за аморальное поведение пациента? Пусть пациент сам за собой следит!» Но это все отговорки. В нашу эпоху падения нравственности, общего упадка морали, разложения общества скоро совсем не останется людей,

которые могут держать себя в узде и не давать спуску своим изменчивым страстям. Потому легче научить морали лекарей, магическими средствами вбить им в голову правила этики, чем пытаться объять необъятное, уча добродетели сотни тысяч и миллионы людей, окончательно павших в океан греха.

Увы, уровень воспитания лекарей в наше время пал ниже низшего, что не раз доказывала наша «уважаемая» Академия, потому я не рассчитываю на то, что мои выводы будут приняты к сведению ее руководством и уж тем более – светской властью. Пороки, присущие худшим представителям нашего общества, не обошли стороной и Академию. Стяжательство, удовлетворение похоти, пустословие и погоня за чинами – вот чем живет научное сообщество, вместо того чтобы служить Человечеству.

В высшей степени печально, когда ты видишь разрушение того, что всегда было тебе дорого, и не имеешь возможности что-либо исправить.

Власть в Академии Кайлара захватили молодые, наглые невежи, которые в конце концов уничтожат, распылят по ветру те знания, что до них собирали наши предки, великие лекари, маги, ученые, имена которых вписаны золотыми буквами в историю лекарского дела.

Увы, будущее магической науки печально, и я не вижу просвета во мгле, затянувшей мироздание дымом пожаров бесконечных войн, в которых маги участвуют как машины разрушения, как нерассуждающие, тупые механизмы-убийцы, после которых не остается ничего, кроме горя, страданий и моря крови, залившей мой многострадальный мир».

Индар Гарун. Имперская академия Кайлара, 45796 год от Создания Мира.
Трактат: «О лечебной этике и некоторых способах предупреждения и устранения побочных явлений, возникающих в процессе излечения пациента».

Пометка на свитке, под штампом «Для внутреннего пользования»: «Пропаганда, направленная против руководства Академии, и подкуп под Трон. Направить соответствующее уведомление в компетентные органы».

Пометка на полях: «А старикашка-то был еще тот ходок! Ишь, как со знанием дела описывает озабоченных трахом баб! Болван не умел пользоваться своим органом, вот и все! Трахать нужно все, что шевелится! А стариканам сидеть у

теплой печи и не дундеть!»

Пометка под пометкой: «Это ты – болван, и никогда не умел пользоваться своим органом! Энтузиазма на золотой, а умения на ломаный медяк! А мэтр все правильно пишет! Он настоящий мужчина, и таким, как ты, болванам до его уровня никогда не дорасти!»

Пометка под второй пометкой: «Все вы дураки! Один я умный! Ха-ха! Кто хочет полечиться и трахнуть?»

Пометка под третьей пометкой: рисунок мужского полового органа и надпись: «А у меня вот такой! И я вас всех трахал!»

На обороте свитка: масляное пятно, дыра размером с ноготь мизинца и бурые пятна, похожие на засохшую кровь. Из-под пятен, едва разборчиво: «...отека ...орпуса ...илища магии. Для ...ного пользования. Секретно».

* * *

Поехали налегке. Брать с собой почти ничего не стали. Так, пара спортивных сумок с бельем, рубашками, парой брюк, юбки, блузки и всякая мелочовка, необходимая в путешествии. Особенно если ты молодая красивая девушка.

Все дела в городке завершены, и больше здесь ничего не держит. Если хорошенько подумать, покопаться в себе – Сергар был рад отсюда уехать. Ничем хорошим этот город ему не запомнился. Кровь, смерть, могилы – и больше ничего. Хорошее? Было и хорошее. Но вспоминалось почему-то только плохое. Очень плохое. То, что поскорее хотелось забыть.

Для того, чтобы забыть прошлое, нет способа лучше, чем переезд в большой город, туда, где ждет новая жизнь, туда, где можно затеряться в толпе людей, которым глубоко плевать, кто ты такой, которые тебя не знают и знать не хотят.

Сергару осточертел этот городишко, в котором нельзя было сделать и шагу, чтобы на тебя не показали пальцем, чтобы хотя бы одну-единственную ночь в дом не ломился кто-нибудь из страждущих больных, требуя срочного приема. Люди лезли через забор, стучали, звонили, непонятно откуда добыв номера

телефонов Маши и Олега.

Однажды это случилось в самый интересный момент: в разгар любовных игр, когда Олег нормально пристроился к любовнице с тылу, держа ее за упругие бедра и предвкушая пик удовольствия. В окно дома вдруг забарабанили с такой силой, что Маша едва не повторила подвиг некой шлюшки, имя которой Сергар уже не помнил, и чуть не поймала его в капкан сильных вагинальных мышц.

Машину ругань было слышно минимум за пятьсот шагов. Она ругалась так виртуозно, что портовые грузчики могли бы узнать из ее мата много новых слов, обличающих сексуальные пристрастия и происхождение проклятых типов, мешающих отдыхать уставшему после работы лекарю и его не менее уставшей подруге.

Работать все равно пришлось, что поделаешь... Если шаловливый ребенок опрокинул на себя чайник с кипятком – разве оставишь его без помощи? Но после этой ночи пришлось нанять охранников ЧОПа, которые буквально палками отгоняли от дома тех, кто хотел прорваться к лекарю.

Олег понимал пациентов, сочувствовал им, но жить вот так, в непрерывном мутном потоке людей, осаждающих дом и больницу днем и ночью, ему больше не хотелось. Надоело. Он не жаждал такой жизни, это точно.

Маша тоже чувствовала себя не в своей тарелке – популярность приятна только поначалу. Нормальному человеку это все быстро надоедает – если ты не можешь никуда пойти без того, чтобы к тебе в ноги не кинулся очередной проситель, умоляющий о помощи себе или своей близкой родне, чтобы все останавливались, перешептываясь, показывая на тебя пальцем, – на кой черт такая жизнь? Потому через два месяца работы Маша тоже была рада сбежать из городка куда глаза глядят. Впрочем, она и до знакомства с Олегом мечтала об этом каждый божий день, без выходных и праздников.

Потому ранним утром, предварительно, за день до отъезда, рассчитавшись со всеми, кому были должны, Олег и две девушки уселись в такси, которое должно было увезти их к новой жизни.

Третьей была Таня. Длинноногая, красивая, молодая, соблазнительная, как десять моделей, – проблема.

Таня влюбилась в Сергара с той самой минуты, когда впервые увидела его в палате больницы, после того, как лекарь «Олег» вылечил ее тело и душу. Из «овоща», которым она стала после перенесенного менингита, Таня превратилась в энергичную красотку, вбившую себе в голову идею, что Олег – ее единственный, самый-самый лучший на всем белом свете человек. И это в высшей степени напрягало «самого лучшего на свете человека».

Казалось бы – ну что плохого, если тебя до визга, до скрежета зубовного любит одна из самых красивых девушек, каких ты видел в своей жизни? Ей только что исполнилось семнадцать лет, тело развитое, как у всякой молодой здоровой женщины, сексуальность этого самого тела такова, что едва не сбивает с ног неподготовленного сексуально озабоченного юнца. Взрослые мужчины оглядываются на Таню, провожая взглядом, пока та не скроется за углом или пока жена не треснет по затылку, обещая устроить «сладкую» жизнь похотливому кобелю, которому бес ударил в ребро.

Ну что бы еще желать Сергару, отличавшемуся отменным сексуальным аппетитом и обладающему не слишком уж святым характером? После десяти лет в армии любой святой волей-неволей сбросит с себя венец ангела. В армии не бывает святых, если не сказать больше. Нет, Сергар никогда не был подлым, злым, но в отношениях с женщинами у него было четкое, выработанное годами правило: «Мы с тобой друзья. У тебя есть то, чего я хочу, у меня имеется штука, которую ты хочешь. Или не хочешь – но я тебе плачу звонкой монетой. Так давай не будем устраивать сцен и трахать друг другу мозг. Трахнем совершенно другое, более приятное, и разбежимся! Или не разбежимся. На какое-то время. Если не устраивает – расходимся».

Так молодой маг жил всю сознательную половозрелую жизнь и менять свое понимание отношений между мужчинами и женщинами не собирался. По крайней мере пока. Женщины были для него друзьями, партнерами, которых еще ко всему прочему можно уложить в постель. Посягательства на свою мужскую свободу Сергар воспринимал как вид агрессии, а в то, что он может кого-то полюбить, не верил совершенно.

И вот, на тебе, как наказание, – Таня!

Девушка, кроме своей красоты, отличалась от сверстниц еще и характером, больше похожим на повадки волчицы, которая защищает свой выводок, или

скорее на поведение дикого кабана, прущего напролом, не боясь никого на свете, если ему нужно пройти по той тропе, на которую он уже встал.

Увы, тропой своей Таня выбрала жизнь Олега и решила в ней обосноваться навсегда, отогнав от своего «божества» всех, кто хоть как-то покушался на ее Мечту. Мечтой Тани, само собой, был Олег, в котором, на ее взгляд, сконцентрировалось все наилучшее, что и нужно молодой, красивой и умной девушке. То есть – ей, Тане.

Само собой, Маша эти взгляды молодой «сучки» и «проклятой шлюхи» (как она ее называла) не одобряла, и Сергар, зная злобный характер боевой подруги, мог сразу же предположить, во что это все выльется. И вылилось.

Трижды девицы дрались так, что обеим пришлось стричься почти налысо – клочья волос «заклятых подруг» летели во все стороны так, будто это были осенние листья под ударами холодного ветра.

Теперь обе были похожи на утонченных киношных моделей, волей судьбы занесенных в этот забытый богом уголок страны. И не только потому, что одеты они были в модную одежду, подчеркивающую их красоту, – просто с прическами типа «тифозная больная», как этот стиль называла Маша, в городе ходить было не принято. Только московские «штучки» позволяют себе эдакие вольности. Чтобы еще больше походить на гламурных див, обе сделали платиновыми блондинками, что, в общем-то, им очень шло.

Самое забавное, что обе были очень похожи друг на друга: небольшого роста, худощавые, стройные, но не тощие, большеглазые, длинноногие. Их можно было принять за сестер-погодков, тем более что Маша выглядела гораздо моложе, чем была на самом деле. Да и немудрено: глупо не попросить любовника улучшить фигуру, если этот твой мужчина – чудо-лекарь, который из любой дурнушки сделает немыслимую красотку!

Теперь у нее на теле совершенно не было волос, так раздражавших необходимостью постоянного бритья и подбривания, исчезли родинки, шрамики и шрамы – гладкая кожа, ни одной морщинки. Хотя какие могут быть морщинки в двадцать лет? Если только на душе...

То же самое и Таня. Но с этой все было еще проще: если Маша была уже «помята» жизнью, то молоденькая девица просто-таки дышала здоровьем (и благодаря Олегу – тоже!). Убрать же волосы с тела было проще простого – это в мире Сергара мог сделать даже самый хилый лекарь-цирюльник и за вполне приемлемую плату.

В Кайларе не очень котировались женщины с волосатыми руками, ногами и подмышками, а также усами и – боги упаси! – бородой. И не только на подбородке...

К матери Сергара частенько приходили девушки, и молодые женщины, и даже почтенные матроны с просьбой убрать лишнюю растительность с их тел. И тогда мать выгоняла Сергара на улицу или в соседнюю комнату, где он давно уже провертел в стене небольшую дырочку, сквозь которую можно было с превеликим удовольствием разглядывать прелести деревенских девиц. Сергар уже с десяти лет почувствовал интерес к женскому полу, и его живо интересовало то «таинственное», что женщины коварно скрывают под своими пышными юбками от любопытных, жаждущих познания мальчишек.

Все хорошее когда-то кончается, и в конце концов Сергара застали «на горяченьком» – отец прихватил прямо возле заветной дырки, неожиданно войдя в комнату в тот самый момент, когда Сергар как раз рассматривал задницу двадцатилетней дочери булочника Омина. И не только задницу! И не только рассматривал, но и действовал, пыхтя, истово напрягая свою натруженную упражнениями руку.

Ему тогда было двенадцать лет, все мужское работало у него как надо, вот только девицы возраста Сергара воспринимали такого мальчика просто-таки никак – то ли еще не доросли до любовных отношений, то ли считали мальчишку недостойным женского внимания.

Созревшие девушки, постарше, тем более не видели в нем перспективного самца – их помыслы были направлены на замужество, зачем им какая-то сексуально озабоченная мелкота?

А Сергару хотелось. Как и его многочисленным сверстникам. И каждый из мальцов, собиравшихся на посиделки возле костра на лесной опушке, обязательно рассказывал какую-нибудь любовную историю, которая с ним

случилась (ну конечно же случилась!) и в которой он выглядел настоящим, непревзойденным жеребцом.

Все врал. Все! И Сергар тоже. Судя по его рассказам, за год он поимел не менее двух десятков пациенток его матери, просто-таки мечтавших заполучить такого мужественного парня в свои мягкие объятия.

Впрочем, в его рассказах, как и в рассказах дворовых приятелей, присутствовала все-таки некая крупица правды: они действительно были в постели со всеми своими придуманными и непридуманными подружками, были, но... только в мечтах, кои цвели пышным цветом на фоне созревания мужского естества. Природа требовала своего, цель мужчины – найти и оплодотворить ту женщину, которая ему подходит лучше всего. Или ту, которую подарили боги. Впрочем, скорее всего, это одно и то же.

Сергару в этом отношении повезло больше его приятелей. Он мог видеть сокровенное женское через «сладкую» дырку в стене, и потому правды в его рассказах в процентном отношении было больше, чем у других мечтателей. Например, он всегда мог для достоверности упомянуть о некоторых увиденных им особенностях строения частей тела объектов своих мечтаний, и это придавало рассказам сына лекарицы гораздо больший вес и значимость.

На самом же деле девственность Сергар потерял со вдовой Мериллой, тридцати пяти лет от роду, жившей через десять домов от дома матери Сергара.

Ему тогда было почти пятнадцать лет, он здорово вытянулся, и на губе начал расти пушок – настоящий мужчина! Что и было замечено любвеобильной вдовушкой, сохнувшей по сильным мужским рукам (и другим частям тела!) после гибели мужа, спяну сломавшего себе шею. Муж Мериллы свалился с фургона по дороге из города, куда ездил за покупками на воскресный рынок. Мерилла и до его смерти не отличалась особой верностью – что и немудрено при пьющем муже, и злые языки поговаривали, что с фургона этот мужичок слетел не просто так, кто-то ему в этом очень даже пособил. Например – гулящая жена, которую он нередко поколачивал за вертижопство и слабость на передок. Но... что не доказано – того нет. А на нет – и суда нет.

До сих пор Сергара она совершенно не замечала. А тут вдруг... заметила. И через десять минут после того как «заметила», уже скакала на нем, постанывая,

придерживая руками болтающиеся в воздухе крупные, упругие груди.

Сергар запомнил свой первый раз на всю жизнь. В общем-то, ему все понравилось – кроме лихой скачки симпатичная вдова порадовала молодого любовника своим искусным умением восстанавливать крепость уже приуставшей и натертой плоти. Однако с другой стороны – в процессе удовлетворения любовной страсти, увы, не было ничего волшебного, о чем можно было бы говорить целыми днями за дружеским костром.

Возможно, что накалу страсти Сергара в тот раз помешали голоса мелких детенышей Мериллы, которые бегали наперегонки во дворе и скреблись в запертую дверь спальни, покрикивая противными визгливыми голосами (Мама! Ты чо там заперлася! А я кушать хочу! А Мирка обкакалась!)

А может, просто женщина не была той Единственной, с которой хочется забыть обо всем на свете, без остатка растворившись в ее объятьях. Секс по любви – как потом говорили боевые соратники Сергара – в корне отличается от простого удовлетворения сексуального голода, утоляемого со случайной подружкой. Но он им не верил.

«Какая разница, кому принадлежит «дырка»? Они у всех женщин примерно одинаковы, и весь секс суть трение слизистых оболочек с целью получения заложенного природой удовлетворения. И не больше того. Отличие лишь в качестве той плоти, которой принадлежит «волшебное отверстие», и по большому счету – это тоже не важно. Закрывать глаза и представить себе самую красивую красотку из всех красивых красоток в мире... и все будет как надо. И еще – помогает вино!»

Приятельи смеялись, а Сергар слегка злился, чувствуя себя обделенным. Увы, он не испытал чувства под названием «любовь». И слава богам, что не испытал. Обычно ничего хорошего из любви не выходило... сплошные неприятности. Куда лучше – переспали и разошлись, довольные друг другом. Или недовольные. Но не враги.

После того случая Сергар не раз бывал в «гостях» у Мериллы, но никогда уже не рассказывал о своих похождениях ни друзьям, ни приятелям, ни трезвый, ни пьяный.

Сколько у него было женщин? Да кто знает... Сорок? Пятьдесят? Сто? Он не помнил, не считал – да и зачем? Глупо считать своих любовниц – чтобы хвастаться ими перед другими мужчинами?

Сила и слава мужчины не в количестве женщин, которыми он когда-то овладел, а совсем в другом. Так сказал однажды приятель Ион, когда они пили в трактире, обмывая очередное жалованье, прожигавшее их кошель. В чем заключены эти самые сила и слава – Ион сказать не успел, погибнув от удара стилета своей истеричной и в высшей степени ревнивой любовницы.

Отец, поймав Сергара возле заветной дырки в стене, не выпорол и даже не ругался, лишь погрозил пальцем и в этот же день заделал отверстие, ухмыляясь и насвистывая песенку «Шел brave солдат, навстречу молодка...» Не ругалась и мать – будто ничего не произошло. Но с того дня мать начала ему читать лекции на тему вреда ранних любовных отношений и о том, как коварны молодые девицы, желающие завлечь неопытных юношей в свои липкие сети.

А еще дала читать кучу трактатов о деторождении и о женских и мужских болезнях, связанных с тем самым «процессом». Ранее эти трактаты лежали под замком в сундуке, ключ к которому Сергар давным-давно подобрал, и потому теперь был вынужден изображать неведение и удивление открывшимися ему потрясающими истинами. Ведь каждый родитель думает, что их ребенок считает, будто детей находят в огороде, между грядками, во время прополки моркови.

Кстати сказать – тогда-то он и узнал о том, как следует приготавливать магические снадобья, уберегающие от беременности, а также научился готовить препараты, уберегающие от большинства болезней, разносимых легкодоступными любвеобильными девицами. И это ему очень пригодилось совсем скоро, когда Сергар отправился на воинскую службу.

Мерилла умерла тогда же, когда умерли отец и мать, – во время эпидемии чумы. Двое из ее детей выжили, но что с ними стало потом, Сергар не знал. Похоронив родителей, он ушел из села, чтобы никогда больше в него не возвращаться.

И вот теперь рядом с ним, тертым жизнью, циничным, выдавшим виды мужиком, находились две очень красивые девушки, две зверицы, избравшие своей добычей именно его, Сергара. Это и забавляло, и раздражало, и не давало

скучать.

С Таней он не спал. С ее слов – она никогда не занималась сексом, хотя не была и девственницей – во время косметического «лечения» Сергар не выдержал и проверил.

Когда же решил поймать девицу на вранье и в лоб спросил о том, зачем она врет, Таня даже не покраснела и так же твердо сказала, что никогда не была ни с одним мужчиной. И может поклясться в этом на детекторе лжи.

Сергар не знал, что такое детектор, но настаивать не стал. Как она лишилась девственности – ее личное дело.

Сергар никогда не питал благоговейного восторга перед этим самым маленьким кусочком плоти, который за каким-то чертом природа поместила внутрь женщины. Нет его, и какая разница? Разве присутствие девственной плевы доказывает порядочность ее обладательницы? Можно быть абсолютно распущенной шлюхой и при этом сохранить девственность на всю жизнь (Сергару попадались и такие девицы). Тем более что восстановить эту самую девственность для хорошего лекаря не составляет никакого труда – даже на Земле, не верящей в магию и колдунов.

Почему Таня оказалась рядом с ним? Почему он взял ее с собой, не оставив дома? У нее дома, в доме покойной Зои?

Честно сказать – он и сам до конца не знал. Жалость? Наверное.

Долг перед Зоей, погибшей по его вине? И это может быть. Он обещал, что позаботится о Зоиной дочери, а Сергар всегда держал свое слово. Над ним по этому поводу иногда даже подсмеивались боевые соратники. Однако уважали, знали: сказал – выполнит, чего бы это ни стоило.

В смутные времена, если что имело цену, так это слово мужчины. Сказал – сделал! Или крепись, не давай слова. Влияние отца! Тот тоже никогда не бросал слов на ветер и сына приучил жить так, как подобает мужчине.

Таня надела на Олега-Сергара, вцепилась в него, как клещ, еще с самых похорон матери. Тогда она стояла над гробом Зои, молчала. Бледная, как полотно, Таня тогда не пролила ни одной слезинки. Лишь потом, на поминках в пахнущем кислыми щами кафе, сидя возле Олега, тихо сказала, простонав: «Никого не осталось. Кроме тебя. Не бросай меня, ладно? Я пропаду ведь, если ты бросишь меня. Я без тебя не могу. Не оставишь меня? Не оставишь?!» И по щекам ее прокатились две скупые слезы.

Олег поперхнулся борщом, который осторожно черпал из выщербленной тарелки, долго не мог откашляться, пряча глаза от собеседницы, а когда Таня повторила свой вопрос, не выдержал и сдался, пообещав ее не бросать, пока та не встанет на ноги. О чем потом крепко пожалел.

На второй день после похорон Таня уже стояла в кабинете Олега и сообщала, что теперь будет работать с ним, помогать ему во всем, в чем сможет помочь, и делать то, что он захочет, все, что ему нужно.

И Сергар, и Маша поняли вторую часть декларации вполне определенно, и если мужчиной это было воспринято вполне спокойно, то Маша тут же встала на дыбы и едва не побила наглуую узурпаторшу прямо тут, не откладывая дела в долгий ящик. И побила бы, если бы Таня не оказалась особой довольно крепкой, жесткой не только характером, но и кулаком.

Была еще одна причина, по которой Сергар не отослал от себя Таню, вносящую столько сумятицы и волнений в его и так не слишком спокойную жизнь: он не любил, когда на него давили, – если только это были не армейские командиры. Впрочем – и тогда не любил. Выполнял армейские приказы, но не любил, когда приказывают. А тут Маша вдруг решила, что может командовать им, рекомендовать, запрещать. Указывать, с кем ему общаться, кого любить, с кем спать! Нет уж, не бывать этому!

Сергар тогда второй раз в сердцах поклялся, что Таня будет с ним столько, сколько он захочет, – вечно, если у него будет такое желание! И если пожелает с ней спать – так оно и будет! И никто ему не указ! А если кому-то такое не нравится – пусть валит на все четыре стороны! Он уже не в армии, и командовать им могут только боги, если, конечно, им есть до него хоть какое-то дело!

Были извинения, были слащавые сопли и рыдания, были активные слюнявые ласки интимных частей тела в знак примирения противоборствующих сторон, был бурный секс, который всегда слаще после скандалов – ничего нового.

И, как обычно, Сергар так и не понял: то ли Маша в самом деле любила, то ли не хотела потерять машину по производству денег, коей он сейчас являлся, но... хотелось все-таки думать, что первое. Хотя жизненный опыт старого вояки говорил: «Одумайся! Не верь! Деньги – вот что ей нужно, сладкая жизнь, буксир, который вытянет ее из этого болота! Женщины коварны! Не верь им!»

Он и не верил. Но хотел верить. А если хочешь – нетрудно себя и заставить. Не до конца заставить, но... настолько, чтобы почти поверить. Почти.

Вот так эта троица, где двое люто ненавидели друг друга, оказалась в машине такси, мчащейся к светлому будущему, располагавшемуся в нескольких сотнях километров южнее, в областном городе, мало чем отличавшемся от других таких же областных городов: не чистых, не грязных, не добрых, не злых – просто скопление домов, столпотворение людей, каждый из которых мечтает о лучшей доле. Как и все люди всех миров, даже если они и не верят в магию и колдовство.

* * *

Квартира была великолепна: пять комнат, паркет, огромная лоджия, большая кухня – все, что нужно для того, чтобы жить-поживать и добра наживать. Зачем им такая огромная квартира, стоившая шестьдесят тысяч в месяц, да еще и с авансом за три месяца вперед, Сергар пока и сам не знал. Чтобы более-менее прилично жить, им хватило бы и трехкомнатной – с учетом того, что Таня будет жить в соседней комнате.

Платить огромные деньги за эти хоромы? Зачем? Если только устроить в квартире частный кабинет, принимать здесь пациентов... но их еще нужно наработать.

Пришлось еще и риелтору отдать тридцать тысяч – половину от месячной оплаты. Так-то деньги были, Олег рассчитывал купить квартиру, а не снимать, но это будет позже. Оказалось, что его денег хватит только на занюханную

квартирку где-нибудь на окраине, в неблагополучном районе, пахнущем помойками и кошачьей мочой. Квартира же вроде той, в которой раньше жила Мария Федоровна, стоила гораздо дороже. Хороший район, ничего не поделаешь.

Поиском квартиры занималась Маша. Все оказалось довольно просто: приехали, созвонились с риелтором – шустрой, нагловатой девкой, – составили договор на Олега, расплатились с хозяйкой, высокомерной холодной дамой, по повадкам типичной чиновницей из администрации (так сказала Маша, а она знала, что говорила, – опыт), и скоро они уже сидели перед телевизором, комментируя новости, поедая деликатесы, купленные в супермаркете. Девчонки были веселы, довольны, будто не они несколько часов назад переругались вдрызг, обзывая друг друга последними словами, шипя так, будто в машине сидели не две красотки, от которых глаз нельзя отвести, а две кобры, норовящие впиться зубами в ногу несчастного индуса, на свою беду возникшего на пути. В качестве «индуса» были таксист, раздраженно и с отвращением поглядывавший на разъяренных дев в салонное зеркало, и Олег, который всю дорогу молчал, изображая усталого портового грузчика.

Когда все немного насытились, Олег вздохнул, налил себе красного вина из высокой темной бутылки, глотнул терпкой, пахнущей виноградными косточками жидкости и приступил к неизбежному – разговору о смысле жизни и дальнейшем его с девицами совместном существовании. Разговор этот назревал давно, но Сергар его все оттягивал, предпочитая, чтобы все шло так, как идет, – его все устраивало. По крайней мере до тех пор, пока в жизни Олега не появилась Таня.

– Девчонки, давайте-ка поговорим... – начал он, взяв со стола пульт дистанционного управления и убавив звук телевизора (вполне приличного, большого, номер которого и модель хозяйка скрупулезно вписала в акт приема-передачи).

– Давай поговорим! – живо откликнулась Маша и покосилась на «подругу». – О чем поговорим? О работе? О жизни? О том, зачем нам этот довесок?! – Она пренебрежительно кивнула на Таню.

Таня зашевелилась, поджала губы, но сказать ничего не успела.

– Молчать! Никаких разборок! – рявкнул Олег, хлопнув ладонью по столу. – Маша, молчи! Вы меня уже достали! Я буду говорить, буду задавать вам вопросы, вы станете отвечать. И больше ничего лишнего! Никаких лишних слов! Это ясно?! Я спрашиваю обеих – ясно?!

– Ясно... ну... ясно! – нестройно ответили обе девицы и замерли в ожидании. Обе не смотрели друг на друга и на Олега и лишь буравили глазами тяжелый стол, за которым могли усесться с десятков гостей. Гостиная и стол были огромными, под стать квартире. Маша сказала, что это дом новой постройки, по спецпроекту, для чиновников и богачеев, и что снять так дешево им удалось потому, что повезло.

Сергар не знал, в чем тут везение – за шестьдесят-то тысяч! – но предпочел не спорить. Крыша над головой есть – и ладно. Тут прибираться-то замучаешься... такие площади.

– Итак, мы приехали. Теперь давайте подумаем, как будем жить, – начал Олег, и девушки переглянулись, скрывая полыхнувшую в глазах неприязнь. – Я не о том, кто с кем будет спать! Что вы сразу физиономии такие сделали?! Таня спит в своей комнате, я – в своей, Маша – в своей. Места полно!

– А что, вместе спать не будем? – подозрительно быстро осведомилась Маша. – Мы же с тобой вместе спали! А сейчас чего? Нехороша я стала?

– Нехороша, – серьезно отрезал Сергар. – Ты во сне коленками пихаешься.

Таня хихикнула, и Маша покраснела, бросив на нее яростный взгляд.

– ...а кроме того, мне иногда нужно побыть одному. От вас тоже нужно отдыхать. У тебя дома места было меньше, потому мы спали вместе. А теперь я хочу спать один.

– Знаю, почему ты один хочешь спать! – скривилась Маша. Набрав воздуха в грудь, она повернулась к Тане и вдруг замерла с открытым ртом: Сергар поднял руки над головой, и между кулаками жажнула синяя молния. Хлопнула, будто кто-то выстрелил из пистолета, запахло, как после грозы.

Обе девушки замерли с вытаращенными глазами. Таня сипло выдавила из себя, похлопав ресницами:

– Класс! Ты еще и фокусы умеешь делать! Ты как этот... фокусник... я забыла, как его звать...

– Каперфильд, дура! – презрительно бросила Маша. – Ничего ни хрена не знаешь! Дура дурой!

– Копперфильд, а не Каперфильд, колхозница хренова! – парировала Таня и замерла под холодным взглядом «фокусника».

– В общем, так, девочки, – с фальшивой лаской в голосе продолжил Сергар. – Первый же скандал, первая же разборка – и вы отправляетесь домой. Я без вас обойдусь. Мне будет нелегко, но я обойдусь. Маша, ты помнишь хоть один случай, когда я не выполнил своего слова?

– Не помню, – нахмурилась девушка и тихо вздохнула. – Ну зачем так жестко-то?

– Затем, что вы отравляете мне жизнь, – так же спокойно отрезал Сергар. – Я не мог оставить Таню, потому что обещал Зое о ней позаботиться. И потому что пообещал Тане, что не оставлю без помощи. Но и не хочу бросать тебя, потому что ты мой друг... подруга. Мы с тобой все это начинали, ты обо мне заботилась, мне с тобой удобно и хорошо... было. В том числе и в постели. Ты меня устраиваешь, я уже не раз это тебе говорил. Хотя я тебя и не люблю – и это говорил. И тебя я не люблю, Таня, и не нужно строить на меня далеко идущих планов! Жениться я не собираюсь, спать с тобой – тоже. По крайней мере пока.

– Это «пока» прямо-таки обнадеживает! – упавшим голосом сказала Маша. – А я что, голоса не имею?

– Голоса? – вначале не понял Сергар, потом догадался. – Нет! Не имеешь. Ты работаешь со мной, выполняешь определенную работу. Получаешь за это деньги. И, кстати, очень недурные. Если меня твоя работа не устроит – мы с тобой расстанемся. Как, кстати, и с Таней. Деньги ты будешь делить с ней, чтобы знала. Таня будет мне помогать так же, как и ты.

– Минет делать? – не выдержала Маша. – Или раком встанет? А может, попрыгает на тебе, как...

– А это уж как я захочу! – отрезал Сергар, свирепея все больше. – А если ты... сейчас... не заткнешься...

– Да все, все! – заметно испугалась Маша. – Работаем, чего там! Ты лучше расскажи, как думаешь все устроить! Клиентов-то поубыло! Я так-то раздавала визитки с телефоном, но пока всем отвечаю, что мы не работаем. Да ты и сам видел... даже отключила телефон. Задолбали! Я вообще предлагаю отказаться от всякой там мелочи! Ну... нищевродов всяких, кто денег хороших платить не может! Давай займемся богатенькими? Я уже придумала, как все устроить! Хочешь, расскажу?

– Расскажешь. Потом! – охладил Олег. – Надеюсь, по нашим отношениям все ясно?

– Да, все ясно! – пожала плечами Таня. – Поживем – увидим. Я на нее кидаться не собираюсь... если она первая не набросится. Если честно – у Машки дури выше крыши. Если бы она не лезла – я бы не отвечала. Маш, ну чего ты прицепилась ко мне? Не собираюсь я его у тебя отбирать! Захочет – и со мной будет, и с тобой! Я-то не возражаю, я все понимаю! Ты с ним с самого начала, твое слово первое! Наоборот, мы должны вместе быть, спину ему прикрывать! Ну чего мы воюем, правда? Эдак и в самом деле окажемся на улице! Что делать тогда будем? У меня есть мамкины деньги, да только я получить их из банка не смогу, пока в наследство не вступлю! Через четыре месяца, не раньше! И как мне жить?

– Как-как... к бабке ехать, – сумрачно заметила Маша. – Что, бабка не поможет?

– Мамка ее тогда матом покрыла, когда та за мной не уследила и я чуть кони не двинула! – усмехнулась Таня. – Теперь она нас на дух не переносит. Разругались вдрызг. И вообще, мне где-то же надо работать? Ну, проем я мамкины деньги, а дальше что? Замуж выскакивать? Так это еще найти жениха надо! А ты сама знаешь, какие у нас там женихи!

– Да уж, знаю, – не выдержала и фыркнула Маша. – С приличными женихами напряженка!

– Вот-вот... а у меня восемь классов, и все. А они сейчас все больше образованных ищут, с университетским образованием! Докажи им, что и с дипломом девка может быть дурой! – тяжело вздохнула Таня. – Я ж болела долго, сама понимаешь. Меня из школы и турнули. А куда я щас пойду, такая вся орясина здоровенная? В девятый класс? С мелкими сыкушками за партой сидеть? Да лучше удавлюсь! Что мне, в проститутки идти, что ли?

– А что, ты бы имела успех, – прищурилась Маша и тут же виновато поправилась: – Да это я так, чего вы оба вытаращились? Красивая девка, вот что я имела в виду! Я и сама уж подумывала, чего делать... а тут вот Олег. Ладно... подруга. Давай, заключаем мир! Потом с тобой еще перетрем все наши делишки. – Она покосилась на Олега, с каменным лицом прислушивающегося к разговору. – Договоримся, чо и как. Щас надо про работу подумать, план выстроить. Олега послушать, что он думает насчет работы. Ты же нас не бросишь без работы, Олег? Что думаешь делать-то?

– Что делать? – переспросил Сергар, глядя в пространство поверх телевизора, на экране которого метались какие-то люди с замотанными тряпками лицами на фоне горящих строений. – Что делать... В общем, так, девчонки... Здесь пока что принимать клиентов нельзя. Даю тебе задание – найти помещение под массажный, лечебный кабинет. Не очень дорогое, но в хорошем месте. Еще нужно как-то оформить дело согласно закону, чтобы налоги платить. По крайней мере с части доходов. Иначе работать не дадут.

– Мы тебе ИП сделаем! – уверенно кивнула Маша. – Я все уже продумала! А сами будем в ИП числиться работницами! И стаж будет идти, и пристроены! Помещение – не проблема, их как говна по городу! Везде плакаты висят: «Сдается». Кризис же – щас люди в говне по уши, помещений нахапали, арендаторов же – хрен да маленько!

– Выбирай выражения, Маш! – поморщился Сергар. – И вообще, старайтесь почаще изображать из себя воспитанных дам! Уроки возьмите, что ли?! Ну, поищите объявления, может, кто-то учит манерам? Поучитесь – как говорить, как правильно есть за столом, как пить! Уж на что я вроде не дворянин, и то ваши словечки меня корежат!

– Ну... у тебя мать – училка, дак чего ж, – пожала плечами Маша. – А я-то чего? Сам знаешь... да и Танька тоже не в золотых яслях родилась. Мамка Танькина еще та оторва была, царство ей небесное. Так-то дельная была баба, жаль, да...

Все я сделаю, Олег, не беспокойся! Ты же знаешь, какая я! Все продумала! Только чтобы ты на попятную не пошел. Твоя задача – лечить, фигуры бабские править, моя – клиентов тебе подогнать... хм-м... найти. Работу обеспечить. Все как обычно! А вот что... что Таньке делать? Хм-м... хотя... я буду ей задания давать! Будет ходить, решать по налоговым, по администрациям! Ага? Ты как, Танюх?

– Все, что нужно, буду делать, как и ты... все, что Олег попросит! – Таня вздохнула и кинула взгляд на Олега. Тот сделал вид, что ничего не заметил.

– Вот и хорошо, – холодно кивнула Маша, которая все заметила, но язык прикусила. – Сегодня у нас вторник. До конца недели я все сделаю. Были бы деньги – все можно устроить. А деньги у нас есть. И это... Олег... а дальше? Сколько ты будешь заниматься этим делом? Пока надоеет, или как? Нам на что рассчитывать с Танькой? До денег ты не жадный... я боюсь вот чего: накопишь немного денег, купишь квартирку, себе, маме, и... сквозанешь куда-нибудь! И будешь жить на свои накопления... а нам что делать?

– Хм-м... – Сергар взглянул на Машу. Иногда девушка на самом деле выказывала чудеса проницательности. Или, скорее, чутья... как зверек, который чует опасность.

И действительно – деньги ему были не особо нужны. Накопить некий капитал, жить с процентов и... путешествовать по миру. Он ведь ничего не видел, кроме чахлого городка да немного этого вот города – через окно автомобиля. Хочется посмотреть на белый свет.

А еще неплохо было бы найти коллег-магов... если получится.

И правда – на какое время его хватит? Полгода? Год? Честно сказать, лекарское дело уже достало... надоело! Сергар никогда не хотел быть настоящим врачом (хотя матери об этом не говорил, чтобы не расстраивалась). И что делать, если он им все-таки стал помимо своей воли? И чем ему хочется заниматься в этом мире?

– Не знаю, – честно ответил Сергар. – Пока я не буду убежден, что заработал достаточно для того, чтобы жить безбедно, пока не увижу, что и вы пристроены как следует, – буду лечить. Но желания заниматься этим делом всю свою жизнь

у меня нет. Кстати, ты права – нужно окучивать богатых. Думай, как это сделать. Будем омолаживать, будем исправлять фигуры. Когда-нибудь в Москву уедем... или еще куда-нибудь, в Петербург. Мать говорила, что он гораздо интереснее Москвы. Но пока будем здесь жить и работать.

– А может, сразу в Москву, а? – всполошилась Таня. – А ну ее, эту дыру, а?! В Москву! Там все деньги! Какого черта тут сидеть?! Чего высиживать?

– Похоже, у нашего босса какие-то планы насчет этого города, – проницательно взглянула Маша. – Олеж, ты что, решил найти тех козлов? Наказать?

Олег нахмурился, проницательно взглянул на Машу, потом на Таню, непонимающе хлопающую глазами, и легонько покачал головой, не отвечая.

Но Маша не унялась.

– Олег, не надо! Хрен с ними! Они сами сдохнут! Олег, не надо! Если ты попадешь с ними... а ты точно вляпаешься! Мы-то что будем делать?! Я понимаю, что это дело твое, ты начальник, себе на уме, но ты и о нас подумай! Приручил нас – так не бросай!

– А о чем речь? – наконец-то спросила Таня, поняв, что происходит нечто странное. – Кто такие «козлы»? Кого наказать? Олег, Маш – я же своя! Маш, скажи! Я же его люблю! Я за него умру! Ну что вы от меня скрываете?! Обидно!

– Олега с матерью выселили черные риелторы, – мрачно ответила Маша. – Кинули их на квартиру, я слышала. Там целая деревня таких бедолаг... ну... где его мать живет. И вот теперь он думает, как их наказать. Так ведь, Олеж?! Ведь думаешь, как их пришибить, верно? Планируешь?

– И пусть пришибет! – убежденно заявила Таня. – Таких тварей надо пришибать! Я на днях видела по телику: старушек обманывают, женщину с пятью детьми кинули на деньги, бабушку выгнали – на лестнице живет! Считаю – кидал вообще надо убивать! Мне вот дать нож, сказать – бей эту тварь, риелтора черного! Я бы зарезала! Точно, зарезала бы! Голыми руками задушила, порвала!

– И тебя посадят, – вздохнула Маша. – Обязательно найдут и посадят. Менты щас знаешь, какие крутые? Техника у них всякая, компьютеры! Посадят – как за настоящих людей! И менты будут за кидал, и прокуратура, и суд. Через суд их тоже не возьмешь, я видела этот фильм, даже плакала... суды за бандитов. Жалко, да. Но все равно лучше не связываться, да. Денег кидалы не отдадут, а гемору насыпят полные карманы! Нам это надо?

– Вам – нет, – мрачно бросил Олег, встал с места, заходил по комнате. – А ты представляешь, сколько они людей обманут, убьют, скольким еще сломают жизнь? Представь себя на их месте! Знаешь, что я пережил, когда меня, инвалида в коляске, вместе с матерью выкидывали на улицу?! Не знаешь! Даже не представляешь. Потому – молчи уж лучше!

– Молчу, – горько скривила губы Маша. – Между прочим, я тоже многое пережила, если ты помнишь! Да черт с ними, Танька правильно говорит! Я бы их сама резала на кусочки! Твари! Только вот... как бы в нас не ударило, вот о чем беспокоюсь. После того, что мы пережили... и все пустить по ветру? Зря моя мать умерла? Танькина? А мы – разве не заслужили лучшей жизни? Сделай все так, чтобы комар носу не подточил, ладно? Ты же умный, не лезь на рожон... а если чо не знаешь, попроси меня – я тебе помогу. Только скажи! Я тебе во всем помогу, клянусь! И Танька поможет. Правда, Тань? Мы всегда за тебя!

– Точно! Мы за тебя! Возьмем ножики и пойдем резать гадов! Ты только скажи!

Таня фыркнула, за ней хихикнула Маша, но Сергару было не до смеха. Маша озвучила то, о чем он и сам давно размышлял. И хотя изображал из себя полностью уверенного в исходе дела мстителя, совсем не был уверен в том, что все пойдет как надо.

Сергар в очередной раз удивился тому, насколько проницательна и неожиданно умна его боевая подруга. У Маши просто-таки звериное чутье – волчица, право слово! Ловушку чует издалека!

Запах охотника, запах западни... он и сам его чуял. Но отступить не собирался.

«Делай то, что должен, и будь, что будет!»

Может, для того боги и послали в этот мир – чтобы очистить его от скверны? И мир, и самого Сергара...

А почему бы и нет? Ведь тогда в жизни появляется хоть какой-то смысл, не просто животное существование. Как животное, как боевой пес он уже пожил. Хватит. Может, пришло время для чего-то правильного? Его выбор. Его жизнь. Новая жизнь.

Ведь не зря же боги хранили его на войне, когда рядом смерть косила соратников целыми рядами?

Не зря же он сумел отслужить два контрактных срока, а потом еще и выжил в Мертвых городах – там, куда осмеливаются заходить только «живые мертвецы» да отчаявшиеся, потерявшие в жизни отморозки, такие как Сергар, боевой маг и грабер. И если умеет он делать что-то лучше многих – так это убивать. Убийца. Талантливый убийца.

Лекарь и одновременно убийца... дикое сочетание. Но так захотели боги! А куда деваться от своей судьбы? Охотник на нечисть! Грабер.

И какая разница, в каком мире? В родном или в этом... Нечисть – она везде нечисть. Как бы ни выглядела, в какие одежды бы ни рядилась, на каком языке бы ни говорила.

Девчонок бы вот только не подвести... прикипел душой, не чужие. Совсем не чужие...

* * *

– Как хорошо! Приятно с тобой гулять! Мы как жених и невеста, правда? – Таня счастливо засмеялась, и на ее звонкий, почти детский смех оглянулись двое мужчин и женщина лет шестидесяти. Молодой мужчина окинул девчонку заинтересованным взглядом, остановившись на округлых, совершенных бедрах, едва прикрытых короткой юбкой. Тот, что старше, посмотрел на Танину грудь, туго обтянутую блузкой, глянул в зеленые глаза, искрящиеся смехом, и, едва заметно вздохнув, улыбнулся уголками губ, покосившись на свою спутницу. Женщина заметила, что-то тихо сказала ему на ухо, мужчина улыбнулся еще

шире, и они пошли дальше, держась за руки. Видно было, что эти двое очень близки друг другу и шли так вот рядом по жизни очень долгие годы.

– Наверно, семья! – тихо сказала Таня, провожая взглядом эту троицу. – И сын их... А парень так-то симпатичный. Но не симпатичнее тебя! Красивее тебя нет на всем белом свете! Как бы я хотела вот так, всю жизнь рядом, держась за руки! И чтобы сын – красивый такой! И дочь! Такая, как я, красotka! Чтобы парни на нее глаза пялили! Сохли по ней! А я бы ее учила, как жить! Скажи, ведь у красивых пар должны рождаться красивые дети? Ведь так же?

– Не обязательно, – рассеянно ответил Сергар, сверяясь с номером дома и названием улицы. – Нередко бывает наоборот. Родители красавцы, а на детей без слез не взглянешь. Или же родители уроды, а дети – глаз радуется!

– Да, я слышала про такое! – с жаром подтвердила Таня. – Передача по телику была про гены! Чуть в генах ошибка, и рождается какой-нибудь уродец! Даун, например! Ужасно, правда? У нас же не может родиться даун? И ты ведь умеешь лечить даунов, делать из них нормальных?

– Что-о-о?! – опомнился Олег. – Какие еще дети?! Ты чем себе башку забиваешь?! Даже и не думай! Когда-нибудь встретишь хорошего парня, выйдешь за него замуж, нарожаешь детей и...

– А я не хочу ни от кого детей! – надула губы Таня. – Кроме как от тебя! Не хочу, и все тут! А от тебя хочу!

– Молчи! – тяжело припечатал Сергар. – Еще слово на эту тему, и ты поедешь домой! Вчера все выяснили, чего еще нужно? И... это... ты ночью скреблась в мою дверь? Ты стучала?

– Мы уже пришли, – неожиданно сменила тему Таня, и щеки ее залил легкий румянец. – Вот, смотри, написано: «Московская, 38». Пикет где-то здесь. А зачем тебе участковый? С риелторами связано?

– Связано, ага, – мрачно кивнул Сергар, посмотрел по сторонам, увидел скамейку, вкопанную возле разбитой у тротуара клумбы, еще раз посмотрел на номер дома и приказал: – Тут останешься. За мной не ходи. Сиди, следи за обстановкой, жди.

– А чего следить-то? Что я должна увидеть? – хмыкнула Таня. – Как собачки гадят на тротуар? Тут кроме бабульки с собачками и нет никого!

– Вот и хорошо, что нет, – отрезал Сергар, поглядывая вслед пожилой женщине, на голове которой красовалась причудливая широкополая шляпка. – А если заметишь что-то подозрительное – звони мне, предупреди. Что угодно. Например – ментов заметишь...

– Или инопланетяне приземляются на летающей тарелке! – безмятежно закончила Таня, болтая красивой ножкой в плетеных туфельках, державшихся на ремнях, перевивающих лодыжки. Сергару нравилась такая обувь – в своем мире он таких не видал, они очень шли молоденькой девчонке, делая ноги еще стройнее. Хотя куда еще стройнее? Сергар постарался сделать тела девушек совершенными – им хорошо, и ему тренировка. Почему бы и нет?

С трудом оторвав взгляд от соблазнительных ног Тани, лекарь направился туда, где заметил табличку: «Опорный пункт охраны правопорядка № 1». В просторечии – «пикет».

Так подобное заведение называла Маша, так называла и Таня. На вопрос: «Почему именно «пикет»?» – никто из них не смог дать вразумительного ответа.

Впрочем, Сергару и не очень-то было интересно, откуда взялось это название. Гораздо больше его интересовало «содержимое» пикета. А это «содержимое» сейчас находилось там, внутри, ожидая посетительницу, заранее договорившуюся о встрече:

«У меня очень важное к вам дело! Я хорошо заплачу! Очень хорошо! Мне нужна помощь! Как нам увидеться?! Вы не пожалеете!»

Чтобы дозвониться до участкового, найти его, пришлось обращаться в районное УВД, пробиваться через постоянно занятый телефон дежурной части, затем ответить на вопросы подозрительного дежурного и лишь потом, через два часа после начала процедуры поиска, добраться до старшего участкового – того самого капитана полиции.

Если бы не Таня – это все вряд ли бы удалось. По телефону она представлялась хорошей знакомой участкового Анарова, и ее звонкий девичий голос, в который девушка подпустила нотки эротичности, работал как отмычка, действуя на мужчин так, как и ожидалось. Если бы не договорились о встрече по телефону, то пришлось бы ловить участкового вечером, в приемные часы, а этого по понятным причинам очень бы не хотелось. Ведь Сергар не орден собирался вручить этому негодяю и не премию за безупречную службу на благо родины.

Участковый согласился встретиться на удивление легко и даже как-то равнодушно. Сергар ожидал, что тот начнет расспрашивать, что нужно этой непонятной девице, какое такое выгодное предложение она хочет сделать, но... ничего такого не случилось. Анаров остановил сбивчивую, взволнованную речь незнакомки, сулившей ему золотые горы, тут же предложив встретиться в опорном пункте и все рассказать. Похоже, что он не очень-то доверял своему телефонному аппарату... Впрочем, и немудрено, зная о его бурной деятельности на благо бандитской группировки.

Сергар уже знал, что в этом мире можно подслушать практически всех и вся и на гораздо большем расстоянии, чем в его мире это могут делать самые умелые лазутчики с магическими способностями. С помощью специальных заклинаний, после длительных тренировок, маги могли слышать не очень громкую речь на расстоянии до пятисот метров, а самые сильные подслушивали даже мысли, но не очень далеко, самое большее с десяти шагов. Здешние шпионы перехватывали разговор по телефону, находясь за сотни и тысячи километров от объекта.

Как это делалось – Сергар не понимал, земная техника до сих пор была для него чудом и недостижимым для иномирянина волшебством. Он уже давно пришел к выводу, что из него не получится ни механика, ни программиста, ни космонавта – слишком велика была разница между цивилизацией Сергара и Землей, отправившейся по пути научного прогресса, вместо того чтобы развивать духовные дисциплины. Солнце – раскаленный шар, вокруг которого вращаются планеты? Звезды – бесчисленное количество подобных Солнцу объектов?! Нет – он об этом слышал, даже читал (мама постаралась), но умом принять все-таки не мог. Не укладывалась в голове информация о том, что в настоящий момент он стоит на огромном шаре, несущемся в пространстве с невероятной скоростью. Лучше будет загнать эту информацию подальше в мозг и пока что ее не трогать. До той поры, когда появится время усвоить эту странную истину.

Дверь в опорный пункт была заперта. Сергар тихо выругался, воспользовавшись лексиконом Маши, повернулся, чтобы уйти, уже спустился с небольшого каменного крыльца, когда дверь опорного распахнулась и в ней выросла массивная фигура полицейского.

– Что хотел?! Чего надо?!

Сергар едва не вздрогнул – так знаком был этот голос. Голос, который он запомнил навсегда, даже если бы не был одаренным мнемонистом.

За месяцы, что прошли с той роковой минуты, когда Мария Федоровна потеряла квартиру и всю свою привычную жизнь, капитан полиции ничуть не изменился. Такое же брезгливое выражение лица, будто этот человек презирал весь белый свет, такой же широкоплечий, пузатый, те же пятна пота в подмышках.

Как и тогда, утром злополучного дня, от участкового пахло чем-то неуловимым, неприятным – смесью пота, мочи и еще какого-то странного запаха, заставляющего вспомнить создания мертвых городов, мутантов, переброшенных в мир Сергара неразряженными боевыми артефактами.

Полицейский на самом деле походил на мутанта. Он напоминал колосс, который может легко раздавить ногой жалкого слизняка вроде наглого посетителя «пикета», посмеявшегося побеспокоить хозяина опорного пункта полиции в неурочное для приема время.

– Что надо?! – снова повторил капитан и добавил, пошлепав толстыми лоснящимися губами: – Прием граждан с девятнадцати часов! Тут же написано! Ну, чего ломишься в неурочное время? Давно по башке не получал?

– Мы договорились о встрече. Звонили вам, – сухо сказал Сергар, не глядя полицейскому в глаза. Его просто-таки трясло от ненависти, от желания убивать, но он сдерживал свою ярость – пока еще не время для убийства. Тем более на глазах всей улицы.

– Я вообще-то с женщиной договаривался... – слегка смягчил тон капитан и мельком глянул в лицо посетителя. – Так она была от тебя? Ну-ну... ладно. Пойдем, поговорим... что там у тебя за выгодное предложение. Я не против выгодных предложений – если они выгодные.

Участковый сделал приглашающий жест, Сергар шагнул через порог, сделал несколько шагов, капитан остался позади, запирая дверь. Запер, обошел Сергара слева, снова обдав смесью запахов, и пошел вперед по длинному темному коридору, увешанному плакатами, фотографиями, имеющими отношение к деятельности полиции. На Сергара он не оглядывался, видимо, не считая посетителя опасным и ничуть не сомневаясь в своей безопасности. Уселся в потертое кожаное кресло за длинным, светлого дерева столом, показал рукой на один из стульев.

На столешнице валялись хлебные крошки – участковый только что пообедал. Отсюда и лоснящиеся губы, не до конца вытертые скомканными салфетками, валяющимися в плетеной корзине при входе в кабинет, запах колбасы и лука, висевший в спертом затхлом воздухе, какой почему-то бывает только в государственных канцеляриях. И не только на Земле.

Сергар с ходу окинул взглядом широкий кабинет. Выход только один, тот, через который они вошли. Все окна в массивных стальных решетках, так что этим путем покинуть опорный пункт невозможно.

Сергар не любил находиться в замкнутом пространстве с человеком, который был ему неприятен и даже опасен. Болезненно не любил и начинал нервничать, если приходилось себя пересиливать. Ему сразу хотелось вырваться, бежать куда глаза глядят. Или разбить башку неприятелю.

Эта нелюбовь имела свою историю, и возникла она на четвертом году службы в армии, когда Сергар, тогда еще совсем молодой, бесшабашный и очень любвеобильный юноша, на очередном переформировании в тыловом городишке увлекся женой купца Мессельрана, бывшего в то время в отъезде. Обычно купчина отъезжал по своим торговым делам довольно-таки надолго, потому его истосковавшаяся по мужской ласке женушка развлекалась так, как ей хотелось, не стесняясь в способах достижения пика любовных наслаждений, а также в выборе площадки для осуществления своих довольно-таки экзотических пристрастий. Она кончала не только от секса, но и от боли, доставляемой ей в любовном процессе, и очень любила, когда Сергар брал ее грубо, можно сказать, жестоко, при этом ругалась почище извозчика. «Возьми меня! Я твоя сука! Я твоя тварь! Я животное! Сделай мне больно, говнюк! Ну же, ублюдок ты... Засунь мне как следует, жеребец! О-о-о! Да! Ударь меня еще! Ударь!»

Ей нравилось получать по голой заднице добрым армейским ремнем, что приводило извращенку в совершеннейший восторг и неминуемо доводило до оргазма.

Сергар давно уже хотел с ней порвать – надоели эти игрища, выглядевшие как нечто среднее между изнасилованием и полковой экзекуцией, на которой порют провинившихся солдат. Однако так просто взять и разорвать отношения не удалось – просто не успел.

Зловредный и очень раздосадованный неудачей на торговом поприще купец – один из его караванов попал в засаду на тракте, и были утеряны несколько возов с драгоценными пряностями – вернулся в тот самый момент, когда молодой маг старался выбить дурь и оргазм из упругой задницы извращенки. И мало того, что вернулся, – так еще во главе крепкого отряда караванной стражи – людей жестких, не раздумывая применяющих свои довольно-таки острые мечи. Особенно после того, как потеряли десяток своих людей, polegших от стрел дорожных грабителей. Стражникам, как и купцу, ужасно хотелось излить свою досаду и злость на какого-нибудь придурка, оказавшегося у них под рукой. И такой случай представился!

«Держи его! Бей! На кол говнюка! Отрежьте ему яйца! Лови ублюдка!»

Пришлось незадачливому магу ретироваться через окно, но вся загвоздка была в том, что окна купеческой спальни, как и окна многочисленных лавок хозяина, были забраны примерно такими же решетками, как и тут.

Сергар едва унес ноги, чудом уклонившись от мечей шустрых охранников и от дубинки разъяренного купца. Ему пришлось выстрелом огневки высадить окно вместе с рамой, в результате чего Сергар спалил брови, ресницы, а также хорошенько припалил волосы на своем многострадальном лобке. От мага неделю воняло паленой шкурой, и товарищи по оружию подозрительно поводили носами, когда Сергар подходил к ним на расстояние двух шагов.

Ко всему прочему Сергар едва не сломал ногу, выпрыгивая со второго этажа, а потом еще бежал по улице голышом, стыдливо прикрывая ладонями причинное место – под улюлюканье солдатни и охочей до зрелищ черни, радостно комментирующей веселое представление.

Купец потом пытался добиться справедливости, подал жалобу на самоуправные, наглые и подлые действия некоего боевого мага, но армейское руководство подняло его на смех, не выдав на расправу гражданскому городскому суду ценное «полевое орудие крупного калибра», каким являлся Сергар. Тем более что убитых и пострадавших среди горожан не нашлось, ущерба никто не понес – если не считать пары сломанных носов, треснутой челюсти, двух вывихнутых рук и семи выбитых зубов, принадлежавших особо ярим стражникам.

«Но это же какие-то гребаные наемники, отребья, отрабатывающие хозяйские медяки! Работа их такова! За что им платить?! Нечего бросаться на имперского солдата, тем более – на боевого мага!»

Пришлось купцу удовольствоваться в качестве трофея одеждой сбежавшего супостата (в общем-то, довольно потертой) и кошельком негодяя, в котором сиротливо позванивали один серебряник и два медяка – все, что осталось от трехмесячного жалованья. Переформирование полка уже закончилось, скоро на фронт, а на войне – как на войне, сдохнешь – и пропадут монеты. Ведь мертвецу они ни к чему. Так почему бы их не потратить, пока жив? И потратил.

Единственное, чего было жаль Сергару среди барахла, утерянного в эпической битве с охраной купца, – небольшой серебряной брошки, которую он все эти годы таскал с собой, как амулет на счастье. Эта брошка – все, что осталось в память о покойной матери.

Что случилось потом с купеческой женой, Сергар так и не узнал. Скорее всего, ничего особенного и не случилось – в очередной раз получила плеткой по своей любвеобильной заднице и гладкой спине, что вызвало очередной, особо яркий оргазм. А может, купец наконец-то опомнился и свернул башку проклятой извращенке. Да какая разница? Она знала, на что шла и чего хотела. Каждый должен отвечать за свои поступки и соображать, что и зачем он делает.

Участковый Анаров меньше всего на свете походил на приснопамятную жену купца и больше всего – на самого купца, парня дюжего и такого же огромного, как и этот тип, сверливший посетителя взглядом бесцветных, как мутная дождевая вода, глаз.

Хозяин кабинета молчал, что-то соображая, молчал и Сергар, вглядываясь в противника, подготавливая себя к тому, что задумал.

Первым тишину нарушил участковый, и от его слов Сергар напрягся, готовый прыгнуть зверем, осознав, что схватка неизбежна:

– Я тебя узнал. У меня хорошая память! Очень хорошая! Ты думал, я не узнаю? Пришел мстить, сучонок. Точно? Не ты первый, не ты последний! Что, вылечился, говнюк? Уже не в креслице, урод? Вылечился и тут же побежал правды искать? Небось в прокуратуру помчался, задрал хвост? Я не ошибся? И тебя отфутболили, да? Идиот! Все схвачено! Вот же дебилы... никак не могут понять, кто тут хозяин! Итак, за каким хреном приперся? Отвечай, быстро!

Участковый поднялся из кресла и навис над Сергаром, будто живой каменный утес. От него резко запахло чем-то совсем уж противным – так пахнет здоровенный жук-бздюха, когда не знающий жизни мальчуган наступит на него ботинком и с хрустом размажет это гнусное насекомое по дорожным камням. Башмак после этого минимум неделю воняет «жучатиной», мать ругается, и отмыть эту дрянь невозможно – проверено!

– Говори, тварь! Зачем пришел?!

Молчание. Секунда, две, три...

Ну и что ответить?

«Я пришел тебя убить! Запытать до смерти, чтобы узнать, где вы, твари, обитаете и кто входит в вашу банду!» Так, что ли?

Зачем задавать глупые вопросы, когда человек все равно не может ответить правдиво? Или не хочет!

Глава 3

Сергар вскочил, и его глаза оказались вровень с глазами полицейского. В голове проскочила мысль: «О боги! Какой же он здоровенный!»

Проскочила и тут же улетела на задворки сознания, уступив место холодной, звенящей пустоте. Сознание было ясным, хрустально чистым, как стекло бокала. Знакомо. Трансом это состояние назвать нельзя, но и обычным состоянием нормального человека – тоже.

Шаг назад, дальше от рук участкового. Судя по габаритам, тот должен быть очень сильным, но медлительным. А то, что он такой крупный, даже хорошо – развернуться ему будет трудно.

– Сбежать хочешь? – Участковый усмехнулся, не выходя из-за стола, что-то нажал под его крышкой. Загудело, металлически клацнуло.

Сергар оглянулся и увидел, что путь к отступлению отрезан. Если бы даже хотел убежать, теперь это невозможно – дверь, через которую он прошел в кабинет опорного пункта, теперь заперта.

Он все-таки в этом убедился – подошел, толкнул ее от себя. Какое там – не дверь, а стальной щит, броня, которую можно пробить только из пушки. Или выпустив большую огневку. И то – прожжет ли?

– Убедился? – Участковый вдруг сделался благостным, даже как-то сразу подобрел, маленькие глазки его покрылись поволокой удовлетворения, повлажнели, сделались блестящими. Полицейский уселся в кресло, откинулся назад и, барабаня по столешнице пальцами правой руки, левой сделал приглашающий жест.

– Хватит бегать, бегун! Я так-то не сержусь на тебя – прекрасно понимаю твои чувства. Если тебя кидают, как последнего лоха... ну как не понять? Так все-таки – что хочешь и зачем сюда пришел? Я правильно понял? Отомстить негодяям, отнявшим вашу халупу? А почему решил начать с меня? Дай-ка подумаю... ага...

Полицейский помолчал минуту, затем продолжил:

– Хочешь, чтобы я рассказал тебе о всех, кто в деле. Выяснить имена, явки и все такое прочее. А вот – потом? Мне интересно, что ты задумал потом! Стой! Молчи! Сейчас я догадаюсь... так, так... В суд ты не пойдешь. Знаешь, что не поможет. Если бы ты был совсем уж дураком, уже бы подал заявление в полицию или, скорее, в прокуратуру. Остается одно: прийти к несчастному участковому,

пытать его, вытащить из него всю нужную информацию, а потом грохнуть, оставив валяться в опорном. Затем отправиться к моим «коллегам» по бизнесу, выследить их по одному и тоже грохнуть. Вряд ли ты думаешь, что сумеешь забрать свои деньги, но ведь тебе очень хочется получить моральное удовлетворение! Наказать негодяев! Очистить мир от таких подонков, как я и Вампир. Правда же? Только не оскорбляй мой разум, не ври. Ты вылечился, а насколько помню, даже в инвалидной коляске ты был шустрым пареньком. Я прекрасно помню, как ты ловко кидаешь ножики. Говорил ведь Вампиру – нельзя оставлять тебя в живых! Вдруг ты вылечишься? Вдруг встанешь на ноги? И будет вот так, как сейчас: припрешься и будешь тарашить на меня свои тупые глазенки! А оно мне надо? «Перелом позвоночника не лечится, не ссы!» – говорил мне Вамп. Ублюдок тупой, а? Эти бандюганы тупые, как валенки, даже если они умеют делать бабки!

Участковый замолчал, выждал секунды три, испытующе глядя на Сергара, легко хлопнул ладонью по столу и тяжело вздохнул:

– Теперь хлопоты, работа – надо с тобой заниматься! Ведь ты же понимаешь, что теперь я тебя отпустить не могу? Молчишь? Ну молчи, молчи... пока что! Кстати, стены тут звукоизолированы, как и двери. Хочешь – кричи, хочешь – вопи во всю глотку, – все равно никто не услышит. Окна снаружи непрозрачны – специально сделано, антитеррористическая защита, понимаешь! Вдруг кто стрельнет через окно? Прямо по сотруднику правопорядка! Нельзя! Вот ты пришел – зачем? Убить меня! Террорист! Только почему без оружия? Тоже непорядок! Так не бывает – террорист, и без оружия?! Наверное, у тебя был нож. И ты хотел меня зарезать. За что? За то, что я, по твоему мнению, помогаю бандитам. Ложь, клевета! Я предложил тебе обратиться в суд, попробовать доказать свои обвинения, но ты расстроился и попытался меня убить. Вот этим ножом!

Участковый чуть пригнулся, достал откуда-то из-под стола большой нож – массивный, с цветной наборной рукояткой. Оттуда же, из-под стола, достал тряпку и тщательно обтер рукоять и клинок.

Сергар знал для чего. Криминальных детективов он посмотрелся более чем достаточно. Что было непонятно – пояснила Мария Федоровна. Да и Маша кое-что знала о методах работы полиции. Рассказывала. И немало...

Обтерев, полицейский положил нож перед собой на столешницу, толкнул его вперед. Нож проехал через стол участкового, через стол для совещаний (он был

примкнут буквой «Т») и замер так, что рукоять оказалась прямо перед гостем, заманчиво маяча перед глазами.

– Вот. Возьми. Уравняем шансы. Умеешь ножички кидать? Вот тебе и ножичек.

Снова молчание, снова испытующий взгляд и резкий окрик:

– Взял нож! Быстро!

– Чтобы ты меня пристрелил на месте? – усмехнулся Сергар. – Может, хватит передо мной красоваться своим умом и сообразительностью? Давай просто поговорим. Что ты теряешь, если мы просто поговорим? Да, ты все правильно сказал, признаюсь, считал тебя глупее, чем ты есть. Это была ошибка. Ты победил. Но прежде чем мы с тобой начнем убивать друг друга, неужели не интересно понять, чем руководствуется каждая из сторон?

– Хм-м... – Участковый слегка поднял брови, с интересом посмотрел на «клиента». – Давай поговорим. Время есть, я сыт, доволен и вполне заслуживаю развлечений. Итак, ты подтвердил свои преступные намерения. Это уже хорошо. Скажи, неужели ты действительно думал, что, придя сюда, чего-то добьешься? Вот чем ты думал, когда шел ко мне? Вроде бы на вид и не дурак, рассуждаешь разумно. Ну, я бы понял, если бы пришел один из этих алкашей и начал качать права, но ты-то?

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/evgeniy-schepetnov/ohotnik-kto-to-mne-za-vse-zaplatit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)